

УКРАЇНА В СИСТЕМІ МІЖНАРОДНИХ ВІДНОСИН

УДК 94(477):355.4 “2014”

Васи́лий Ткаченко, Никола́й Дорощенко

РАСПУТИЦА: ВОЗВРАЩЕНИЕ ГЕОПОЛИТИКИ

Россия дестабилизирует обстановку на востоке Украины, прибегая к логике и фразеологии геополитики; Европа становится не только идеологическим оппонентом, но и геополитическим соперником России.

Ключевые слова: геополитика, российская агрессия, украинский кризис, сепаратисты, “гибридная война”, аннексия Крыма, ЛНР и ДНР.

Распутица – время, когда дороги становятся малопроезжими или вовсе непроезжими от грязи. Преимущественно термин распространяется на Россию, Беларусь и Украину.

(Толковый словарь Ушакова).

Беспутье: Неправый, кривой или ложный житейский путь; беспорядок, разлад, нестройность распоряжений или управления.

(Толковый словарь Даля)

Отношение к геополитике в академических, да и вообще в интеллигентских кругах сложилось до недавних пор несколько пренебрежительное – как к фантому весьма недалеких людей, который уходит в прошлое и становится не столь уж и пугающим по мере нашего продвижения к евроатлантической цивилизации. Ну, кто, казалось бы, в наш просвещенный век, станет всерьез рассматривать идеи, основанные на смеси географии, биологии, мальтузианской демографии и т.д. Например, класть в основание анализа общественных отношений такой тезис: “географический рельеф государства как судьба”. А ведь в писаниях ведущего российского геополитика Александра Дугина этот тезис служит базовым методом интерпретации прошлого и выступает как главный фактор человеческого бытия, организующий вокруг себя все остальные стороны существования.

Однако нас в Украине утешало то, что в серьезных научных кругах России близкие нам люди и коллеги-единомышленники относятся к Дугину как к типичному спойлеру (от англ. spoil – “портить”). Ведь, казалось бы, это так очевидно в век глобализации: политизация географического фактора относительно расселения того или иного этноса не просто абсурдна, но и крайне опасна – взять хотя бы тот же концепт “русского мира” с его двусмысленным толкованием понятия “соотечественники”. Ведь гражданин Украины, оказывается, может являться, прежде всего “соотечественником” России. А потому, презрев свое гражданство, должен даже воевать против Украины. Где здесь предел цинизму?

Но, как говорится, мы здесь сталкиваемся с феноменом “очевидное – невероятное”. Гибридная война в форме аннексии Россией Крыма, да и в обличье непрекращающегося наращивания военного противостояния на Донбассе вернули нас к суровой реальности. Показательными в этом отношении стали тезисы

доклада Европейского совета по международным делам (ЕСМД), выпущенного в ноябре 2014 года: *“В марте 2014 г. европейцы проснулись в мире Владимира Путина, где границы можно менять явочным путем, международные институты бессильны, экономическая взаимозависимость становится источником небезопасности, а предсказуемость – скорее обязанность, чем преимущество... Вторжение России в Украину заставило ЕС признать: вместо того, чтобы медленно, буквально молекулярно распространиться на весь континент, а в конечном итоге – на всю планету, его идея европейского порядка рухнула. Постмодернистский европейский порядок неожиданно оказался в загоне. Так же, как распад Югославии положил конец европейскому порядку времен холодной войны, кризис в Крыму ознаменовал окончание постбиполярного европейского порядка (здесь и дальше курсив наш. – Авт.)”* [1].

Стало ясно, что слухи о скорострительной смерти геополитики оказались несколько преувеличенными. Более того – геополитика возродилась, хотя и в слегка подретушированном, но от этого не менее опасном и кровавом обличье. Идеологема “особого пути” и “особой демократии” в России стала не просто способом оправдания незыблемости ее авторитарного режима, но и источником несчастий, страданий и смертей – в первую очередь Украины. То есть, будучи идеологически развенчанной, геополитика насаждается ежеминутно российскими властями в сфере практической политики. Некоторый элемент оптимизма вносила разве что вера людей – тех русских и украинцев, которые не принимают социал-дарвинистский взгляд на мир как исключительно арену “внутривидовой” борьбы государств, где народы – враги, мир – ринг, государства – бойцы в нем, а конфликт – основа основ существования и взаимоотношений.

Но, тем не менее, сейчас приходит понимание того, что *“концепт геополитики сегодня требует... самого пристального внимания, поскольку за его стремлением к реинкарнации стоят реальные угрозы общецивилизационного характера”*. Другими словами: геополитика – это суровая реальность наших дней, и порожденные ею драмы “должны изучаться и анализироваться, но как своего рода политическая криминология... *Подход к международной политике как к “игре с нулевой суммой”, в которой выигрыш одного равен проигрышу другого, идеологически полностью дискредитирован. Но это не уничтожило его практическую живучесть”* [2].

Новый мировой беспорядок

Обращаясь к опыту истории, блестящий интеллектуал и опытный дипломат Европейского союза Роберт Френсис Купер в своей книге “Раздор между народами. Порядок и хаос в XXI веке” выделяет темные полосы общественно-политической смуты в жизни Европы. Среди худших из времен он называл Столетнюю войну XIV–XV веков, Тридцатилетнюю войну XVII века, две мировые войны первой половины XX века. Из них средневековые войны были наиболее кровопролитные и беспощадные – не зря ведь в них государственная мощь была умноженная на фанатизм верующих. А отсюда и результаты, когда, например, в ходе Тридцатилетней войны (1618–1648) погибла треть населения Германии. Двадцатый век не уступил средневековью уровнем своих преступлений перед человечеством: здесь для уничтожения более 60 миллионов человек во время Второй мировой войны к средневековому фанатизму было присовокуплено еще и оружие массового поражения. Главными же причинами крушения порядка и воцарения хаоса было то, что государство, гражданское общество, церковь и иные системы взаимных обязательств утратили способность сдерживать агрессию. И нет никаких гарантий, что все это – в прошлом.

А значит, не исключено и то, что перспективы XXI века могут оказаться еще хуже всех перечисленных выше уроков истории. Ведь время шло, а фактор агрессии и до наших дней все еще не преодолен. Основная угроза в XXI веке по-прежнему исходит от социальной анархии и все более совершенствуемой технологии убийства. В итоге, основное предостережение Френсиса Купера сводится к следующему: “Возможно, что распространение терроризма и оружия массового поражения служит предвестником мироустройства, в котором правительства западных стран утратят контроль над событиями”. *Это может случиться вследствие “масштабного перераспределения влияния и власти от развитых промышленных (и демократических) государств к относительно небольшим, менее стабильным и, возможно, менее заинтересованным в устойчивости мирового порядка странам. Или, что еще опаснее, оно может привести к переходу рычагов влияния от государства к отдельным личностям, в рассматриваемом случае – к террористам и преступникам”* [3].

Обозначенная проблема, на наш взгляд, одна из основных, но практически обойденных вниманием аналитиков при рассмотрении украинского кризиса. Какая бы проблема не была поднята, политологическая тусовка неизменно топчется на небольшом пяточке – “позиция Путина”, “позиция Порошенко”, “позиция Меркель”, “позиция Обамы” и т.д. В конечном итоге все это сводится к тому, что важнейшие вопросы войны и мира как бы заведомо отдаются на откуп узкого круга лидеров ведущих стран. Но это еще полдела. Появились адепты “демократического разжижения власти” в Украине в пользу провинциальной политической шпаны (Крым, ЛНР и ДНР), либо регионального олигархата. Видимо, не случайно они звучат в резонансе призывов Путина решать проблему Донбасса по лекалам Чечни. Тем временем, российские спецслужбы демонстрируют свое “умение решать вопросы”, предлагая свои услуги и в наведении порядка в Украине. А ведь дело то идет практически к оформлению террористического государства.

И здесь следует отдать должное широте взгляда и гражданской позиции президента Литвы Дали Грибаускайте, назвавшую Россию “террористическим государством”: “Украина сегодня борется за мир во всей Европе, за всех нас. Если террористическое государство, которое осуществляет агрессию против своего соседа, не остановить, то агрессия может распространиться по всей Европе и дальше”. Интересен и показателен отзыв в блоге “Эхо Москвы” на это высказывание, где истинно русский человек откровенно и естественно для своего понимания вопрошает: “Так, когда будем брать Вильно? А Литве её историческую столицу оставим – Каунас!” [4]. Вот они, горькие плоды геополитики – распивочно и на вынос – для широких масс трудящихся!

Все это – не просто частные примеры, а показательные фрагменты уже достаточно явно определенных общественно-политических трендов. А если подобрать краткий итог прошедшего 2014 года, то в целом подтверждается мнение, высказанное в свое время Хедли Буллом в его классическом труде “Анархическое общество”. Речь идет о том, что в мире всегда происходит столкновение сил порядка и беспорядка, причем характер эпохи зависит от баланса между ними. Источником порядка являются государства, организации и лица, приверженные имеющимся международным правилам и договоренностям, а также заранее определенному процессу их изменения. Источник беспорядка – государства, организации и лица, отвергающие эти правила и договоренности в принципе, считающие себя вправе игнорировать или подрывать их. На баланс между этими силами могут влиять мировые тенденции, в какой-то степени неподконтрольные правительствам и создающие контекст для выбора актеров. *В наши дни баланс порядка и беспорядка смещается в направлении хаоса. Причины отчасти носят структурный характер, но некоторые из них являются*

следствием неправильного выбора значимых игроков. Их ошибки следует регулярно вскрывать и предавать общественному мнению, что позволит, по крайней мере частично, их исправлять [5].

Если посмотреть на мир в целом, то сегодня средоточие беспорядков не только лишь Ближний Восток. Азия наших дней – тоже растущий потенциал дестабилизации. Некоторые современные вызовы порядку вносят и общемировые аспекты глобализации, включая трансграничные потоки террористов, вирусы (биологические в виртуальные), а также выбросы парниковых газов. Поскольку активные институциональные механизмы для их сдерживания или управления отсутствуют, они таят в себе угрозу подрыва и снижения качества системы в целом.

Все это верно но, судя по отзывам аналитиков, эти вызовы могут быть растянуты во времени и не так трагичны для краткосрочной перспективы, как мы это иногда себе представляем. И здесь более показательным может быть предупреждение заведующего отделом социологии и социальной психологии ИНИОН РАН Дмитрия Ефременко: *“Украина лишь открывает серию конфликтов, которыми сопровождается становление полицентричной системы международных отношений. Необходим многосторонний механизм раннего предупреждения и урегулирования кризисов в Европе и северной Евразии”* [6].

Да, конечно, сегодня много споров ведется о принципах международного порядка. Чего только стоит нарушение Будапештского меморандума 1994 года! К тому же уже длительное время существует определенный консенсус по поводу неприемлемости обретения новых территорий силой (вспомнить хотя бы Кувейт 1990 года). Однако, отмечал уже летом 2014 года президент Совета по международным отношениям Ричард Хаас, цена этих споров и торжественных заявлений о нерушимости границ подчас весьма невелика: *“в следующем поколении от этого консенсуса не осталось и следа, и России удалось избежать всеобщего осуждения за захват Крыма весной этого года. Остается гадать, как часть нашего мира отреагирует на попытку Китая силой овладеть спорным воздушным пространством, морской акваторией или сушей. Еще меньше единства в вопросе о суверенитете, когда речь идет о праве внешних сил вмешиваться для предотвращения репрессий или геноцида правительства против своих граждан или невыполнения им своих обязанностей. Концепция “обязанности защищать”, одобренная ООН 10 лет назад, больше не пользуется единодушной поддержкой стран-членов, которые не способны договориться, в каких случаях участие в делах других государств следует считать законным и оправданным”* [7].

Однако, отметим мы, не все так и печально в нашем европейском доме. Прежде всего, следует акцентировать внимание на том, что статья Ричарда Хааса была опубликована еще летом 2014 года в №6 журнала *Foreign Affairs*, когда США и Евросоюз только отработывали формулировки относительно оценок аннексии Крыма. Но впоследствии точка зрения на украинскую проблему стала обретать все более отчетливые контуры. Так, отвечая в октябре 2014 года на вопрос журналистов – *“Может ли администрация Обамы описать то, что происходит в Украине, как вторжение в эту страну?”* – Збигнев Бжезинский констатировал: *“Я думаю, в первую очередь, мы должны отметить, что, на самом деле, это мнение разделяет большая часть международного сообщества. А как это еще назвать? Российские войска переходят границу. Российские танки пересекают границу. Россия постоянно ведет артиллерийские обстрелы через границу. Кроме того, там есть и пророссийски настроенные украинцы, которых вооружила Россия. Это военная операция, направленная против соседнего государства и, следовательно, она является серьезной угрозой для всего мира”* [8].

Впоследствии, как это видно из резолюций Конгресса США, а также Европарламента и Совета Европы, отношение к России как к агрессору становилось все больше однозначным. Как украинские власти, так и США и ЕС, расценивают ныне факт присоединения Крыма и Севастополя к России не иначе, как аннексию и не признают законность этого присоединения. Например, Президент США Барак Обама заявил, что “Соединенные Штаты также будут продолжать поддерживать суверенитет и территориальную целостность Украины, так как это способствует мирному урегулированию конфликта на востоке страны и возвращению Крыма” [9].

Сейчас Европа как бы опомнилась, отошла от шока грубой аннексии Крыма. Она осмысливает события прошедшего года уже в более адекватных категориях. В частности, 15 января 2015 года Европейский парламент принял очередную резолюцию по Украине. В ней значитсся, что незаконная аннексия Крымского полуострова является первым в Европе со времен Второй мировой войны случаем насильственного присоединения части одной страны к другой и нарушением международного права, включая Устав ООН, Хельсинкский заключительный акт и Будапештское соглашение 1994 года. Этот документ содержит в себе не просто осуждение агрессивных действий России, но и (наконец то!) предложение к странам-членам – о предоставлении Украине летального оружия.

В резолюции значитсся, что Европейский парламент решительно осуждает агрессивную и экспансионистскую политику России, которая является угрозой единству и независимости Украины и создает потенциальную угрозу для самого Европейского союза. В том числе Европарламент осуждает незаконную аннексию Крыма и необъявленную гибридную войну против Украины, включающую в себя информационную войну с элементами кибервойны, использование регулярных и нерегулярных сил, пропаганду, энергетический шантаж, экономическое давление, дипломатическую и политическую дестабилизацию. В документе подчеркивается, что эти два действия являются нарушением международного права и создают серьезный вызов для ситуации безопасности в Европе. Тем более нет никаких оснований для применения военной силы в Европе по так называемым историческим мотивам и соображениям безопасности или ради защиты своих “соотечественников, проживающих за рубежом”. Резолюция призывает Москву прекратить эскалацию ситуации, немедленно остановить поток оружия, наемников и войск в поддержку сепаратистских вооруженных формирований и использовать свое влияние на сепаратистов, чтобы убедить их участвовать в политическом процессе.

Осуждая акты терроризма и преступления, совершенные сепаратистами и другими нерегулярными силами в Восточной Украине, Европарламент предлагает Европейскому совету принять дальнейшие ограничительные меры и расширить сферу их применения таким образом, чтобы санкции касались ядерного сектора и ограничивали способность российских предприятий проводить международные финансовые операции. Более того, резолюция гласит, что ЕС должен быть готов поддержать государства, которые граничат с государствами-членами – им должен быть предоставлен тот же уровень безопасности, как и всем государствам-членам. Следует особо отметить то положение резолюции, что ЕС должен оказать поддержку проведению реформ в Украине, а Украина имеет все основания претендовать на полное членство в ЕС [10].

Анализируемая резолюция Совета Европы создала благоприятную атмосферу для дальнейшей проработки линии на осуждение мировой общественностью агрессивного курса России по отношению к Украине. Необходимость покончить с неопределенным статусом событий на юго-восточной части Украины,

приобретших весьма расплывчатое определение как некоей “гибридной войны”, объективно назревала уже давно. Однако в каждом процессе, в силу тех или иных обстоятельств, складывается своя логика, часто далекая от какого-то единого шаблона. Так и в нашем случае: в силу необходимости блокировать пропагандистскую агрессию России стало крайне важно создать международный имидж Украины как жертвы агрессии, а России – имидж агрессора.

В создавшихся условиях 27 января 2015 года Верховная Рада приняла под № 1854 фактически два документа: постановление и дополнение к нему. Постановление утверждает текст обращения Верховной Рады к ООН, Европейскому парламенту, Парламентской ассамблее Совета Европы, Парламентской ассамблее НАТО и другим международным структурам, а также поручает председателю Верховной Рады Владимиру Гройсману направить текст обращения вышеуказанным организациям и уточняет, что документ вступает в силу со дня принятия. Дополнение, собственно, это и есть текст обращения ВР.

Среди ключевых пунктов обращения мы бы выделили, во-первых, перечисление кровавых трагедий последнего года, где прямым текстом было заявлено: “Очевидной является причастность России к таким терактам, как сбивание гражданского пассажирского самолета рейса МН17, трагедии в Волновахе, Донецке и Мариуполе”. Во-вторых, после изложения пояснительной части, постановление гласит: “Принимая во внимание нормы Устава ООН и с учетом положений Резолюции Генеральной ассамблеи ООН 3314 “Определение агрессии” от 14 декабря 1974 года, Верховная Рада Украины признает Российскую Федерацию государством-агрессором” [11].

Далее Верховная Рада призывает международных партнеров к серии действий: 1) не допускать безнаказанности виновных в преступлениях против человечности; 2) *признать Российскую Федерацию государством-агрессором, которое всесторонне поддерживает терроризм и блокирует деятельность Совета Безопасности ООН, чем ставит под угрозу международный мир и безопасность, а так называемые “ДНР” и “ЛНР” признать террористическими организациями*; 3) усилить давление на РФ, в том числе путем введения новых санкций; 4) ограничить полномочия российской делегации в Парламентской Ассамблее Совета Европы до тех пор, пока РФ не прекратит игнорирование требования международного демократического сообщества; 5) предоставить Украине необходимую военную помощь с целью усиления ее оборонных возможностей, гуманитарную помощь для пострадавшего мирного населения и внутренних беженцев, а также содействовать восстановлению критически важной инфраструктуры на Донбассе.

Можно ли считать принятое постановление рубежным документом в определении нынешнего характера украинско-российских отношений? Вряд ли, но не исключено, что это будет одним из показательных свидетельств и осмысления создавшейся ситуации, и придания ей соответствующего политико-правового оформления. Рубежным документом, судя по всему, могло бы быть или установление прочного мира, или же введение военного положения в Украине. К первому, судя по всему, не готова Россия. По заключению Джорджа Сороса, “Путин спешит уничтожить Украину до того момента, когда обвал российской экономики приведет к социальным протестам россиян”. В то же время, как Запад фактически не заметил Волноваху и Мариуполь, поспешное “добивание” Украины ведется Россией по всем фронтам: военном, гуманитарном, психологическом. По мнению многих экспертов, “главная цель нынешнего зимнего наступления “русских” – запугать украинцев бессмысленностью войны и сорвать мобилизацию” [12].

Ко второму – введению военного положения – не готова Украина. И не только из-за невозможности получать в этом случае финансовую помощь из-за границы. Самая первая причина тому, заявил замглавы администрации президента Валерий Чалый, – “невозможность при таком раскладе получать из-за границы вооружение, в том числе и столь необходимые нам танки, БТРы... Сейчас же мы такую помощь получаем, можем свободно покупать и оружие у тех стран, которым не запрещена такая торговля. Вторая же причина заключается в том, что президент получил бы неограниченную власть с параллельным ограничением прав и свобод граждан. На сегодняшний день на Донбассе мы и без введения военного положения подходим к тому, что военные берут на себя практически все функции и полномочия, которые они бы получили, будь ВП объявлено” [13].

Конечно, ситуация продолжает оставаться двусмысленной. Так, с политико-правовой точки зрения говорить о каких-либо последствиях принятия постановления Верховной Рады о признании России агрессором было бы вряд ли уместно. Они были бы уместны тоже только в случае введения военного положения. Но, тем не менее, *по мнению экспертов, объявление России агрессором можно рассматривать как первый шаг к введению военного положения (военное положение равнозначно официальному объявлению войны России). И если запускается именно военный сценарий, тогда постановление Верховной Рады нацелено на то, чтобы предварительно создать Украине международный статус жертвы, а России – имидж агрессора, пусть даже такой активный PR и весьма нетрадиционен с точки зрения международного права* [14].

Однако первые результаты такого подхода уже налицо – 28 января 2015 года Парламентская Ассамблея Совета Европы утвердила резолюцию, в которой однозначно признала, что Российская Федерация является виновной в агрессии против Украины. Из 155 депутатов, присутствующих в зале на момент утверждения резолюции, “за” проголосовало 140, и лишь 7 – “против”. Естественно, что это были депутаты от РФ. Обвиняя Россию в эскалации конфликта, ПАСЕ обратилась к России с призывом “в дальнейшем воздерживаться от финансирования терроризма в Украине, не оказывать поддержку незаконным вооруженным группам, а также повлиять на них для выполнения минских соглашений”. Что же касается так называемых “гуманитарных конвоев”, то ПАСЕ констатировала, что действия РФ являются нарушениями международного права, и что на самом деле регулярно отправляемые Россией фуры не являются гуманитарными конvoями. Показательно и то, что попытки россиян удалить из текста строки о незаконной аннексии Крыма закончились ничем [15].

Европа: преодоление иллюзий

Важность документов, принятых Верховной Радой, ПАСЕ и Европарламентом несомненна. Но возникает законный вопрос: а был ли он услышан российской стороной? На наш взгляд, если и был услышан, то не воспринят – мешает своеобразный “геополитический астигматизм”. Так, в Госдуме уже в который раз было обвинено Европарламент в том, что он якобы является лишь “рупором Вашингтона и проводником на европейском континенте идей американской гегемонии”. Украинская власть, в свою очередь, была объявлена “наместницей внешних сил”. В целом – одни пропагандистские штампы и больше ничего [16]. Так, в Госдуме заявили, что признание России страной-агрессором “находится за рамками права”: “Умные люди на бред никогда вообще не обращают внимания. К сожалению, то, что происходит в Украине, находится за рамками права, за пределами разумного. Последние решения (о признании РФ страной агрессором)

– из этой категории” [17]. Да и могла ли страна-агрессор реагировать по-другому?

Материалы ведущих военно-политических аналитиков России, опубликованные уже в 2015 году, сами по себе подтверждают преобладающее в стране желание привести “к окончательному решению украинского вопроса”. Тут уместно вспомнить о подобном желании Гитлера по отношению к окончательному решению “еврейского вопроса”. И здесь нет преувеличения: решение видится исключительно как силовое: “Нынешняя ситуация на Донбассе и Востоке Украины неприемлема для России не только с точки зрения военно-политических и гуманитарных обстоятельств, но и по национально-стратегическим соображениям. Резкое ухудшение гуманитарной обстановки на Донбассе дискредитирует концепцию “русского мира”, не способствует пророссийским настроениям среди жителей Донбасса (которые поддерживали присоединение своих областей к относительно богатой России, а не превращение их в Сталинград), деморализует население других русскоязычных областей Украины, отнюдь не желающих себе подобной участи. Разрушение Донбасса и страдания его жителей наносят колоссальный ущерб образу России на всем постсоветском пространстве. Поэтому для русского дела жизненно важно, как можно скорее положить конец войне на Юго-Востоке Украины и обеспечить мир и покой его населению. Этого парадоксальным образом можно достичь только военными методами: решительным ударом по украинским властям и вооруженным силам...”. Поскольку введение новых санкций Западом неотвратимо, считают эти российские аналитики, то это даже лучше – “развязывает нам руки”. А потому только силовые методы могут “заставить Киев пойти навстречу русским требованиям, разорвать связь между Киевом и западными столицами и, в конечном счете, привести к переговорам” и “заставить считаться с мнением Москвы” [18].

Все это приводит к мысли, что *осуществив в ряде своих резолюций глубокий анализ кризисной ситуации, сложившейся вокруг Украины, европейскому сообществу предстоит сделать еще ряд шагов в сторону осмысления логики и понятийного инструментария российского мироощущения и политического мышления.* По нашему пониманию, если европейская система ценностей и надлежащий понятийный аппарат отвергается Россией по определению в пользу силового сценария, то наивно было бы предполагать, что содержащиеся в резолюции положения сразу же возымеют положительный эффект на российское руководство. А потому, на наш взгляд, следовало бы обратиться к анализу некоторых положений таких известных европейских аналитиков как Иван Крастев и Марк Леонард. А они утверждают: *“аннексия Крыма показала, что Запад неправильно истолковал поведение России по целому ряду вопросов”.*

Рассмотрим эти вопросы в тезисном изложении. Во-первых, европейцы после завершения холодной войны ошибочно приняли неспособность России блокировать создание нового европейского порядка за согласие с ним. Зато более адекватно отразил особенность российского менталитета стратег-любитель Вадим Цимбурский в статье “Остров Россия”, где геополитическая судьба России мыслилась в виде острова, которому проще выжить, отрезав себя от Европы. Причина тому – Россия слишком слабая и фрагментированная, чтобы добиться успеха в глобализованном мире. В итоге, считают Карстев и Леонард, строительство государства “с твердым панцирем”, которое можно интегрировать в глобальную экономику, стало главной целью Путина: “Его никогда не интересовало присоединение к Западу. Москву не привлекала имитация западных ценностей, она хотела воспроизводить поведение на международной арене Соединенных Штатов” [19].

Во-вторых, европейцы наивно полагали, что Россия замкнется в региональных рамках консервативной внешней политики. На самом деле, российская элита больше чем европейская была склонна думать о своей выдающейся роли во всемирной истории и сочетать коррупционную меркантильность с мессианством. То есть, “путинский ревизионизм оказался более глубоким, чем полагали европейцы”.

В-третьих, европейцы не смогли надлежащим образом оценить психологическое воздействие “цветных революций” на Россию: “Оранжевая революция” на Украине стала для российского руководства своего рода собственным 11 сентября. С этого момента президент России рассматривал дистанционно управляемые уличные протесты как главную угрозу своему режиму. Вновь была реанимирована идея о “России – осажденной крепости”. А финансовый кризис 2009 года вообще привел к умозаключению о необходимости “иметь собственный экономический регион”, где нежелательно присутствие не только НАТО, но и Европейского союза [20].

В-четвертых, Европа сделала неправильные выводы о соотношении сил. Нет сомнения, что Запад сильнее России. Однако Европой было проигнорировано замечание Дэвида Брукса о “восстании слабых”. Так, в войнах с 1800 по 1849 гг. слабая сторона добивалась стратегических целей в 12 % случаев. В войнах с 1950 по 1998 гг. – слабая сторона побеждала уже в 55 % случаев. Причина – слабой стороне уже нет нужды побеждать или уничтожить противника, достаточно было удержать позиции и измотать сильного противника, истощив его политические и человеческие ресурсы. Россия пользуется тем, что в локальных конфликтах определить силу и слабость очень трудно.

И наконец, считают Карстев и Леонард, европейцы не смогли понять, насколько уязвимым чувствует себя Путин в своей стране. С одной стороны, с населением России он как бы заключил негласное соглашение об обмене роста благосостояния на неучастие граждан в политике. Но, с другой стороны, все испортила “зима недовольства” 2011/2012 в Москве. Путин решил, что российская элита уж слишком “вросла” в Европу, а потому основным приоритетом для президента стала “национализация элиты”. *Отсюда логика российской геополитики в отношении Украины стала сводиться к тому, что: “Путин должен был взять Крым, чтобы сохранить контроль над элитами. Путин должен был взять всю Украину. Многие на Западе думают, что Путин опасается либеральной и демократической России, но его главные страхи всегда были связаны с националистической Россией, которая не простит ему потери Украины”* [21].

Именно поэтому, по мнению Крастева и Леонарда, путинская Россия постоянно пребывала в роли ревизиониста европейского порядка, поставив перед собой задачу создания нового порядка, который бы обеспечивал выживание режима русской власти даже после ухода Путина. В этом смысле аннексия Крыма – не просто начало украинского кризиса, а прежде всего финальная стадия затянувшегося российского кризиса, выхода из которого не просматривается даже самими российскими идеологами.

Взять хотя бы прогноз на 2015 год в изложении почетного председателя Совета по внешней и оборонной политике России Сергея Караганова. Ни на что позитивное, по его мнению, в новом году России не приходится рассчитывать: “*в следующем году мир будет таким же, как и сейчас – миром нарастающего хаоса*”. Откуда проистекает этот хаос в понимании Караганова – ни для кого давно не секрет: все тот же злокозненный Запад, нарушающий устоявшийся порядок и вынашивающий подрывные планы против России. Так чему же удивляться, если, дескать, уже появились негативные тренды. А заключаются они в том, цинично признает Караганов, что “*к компании западных*

разрушителей существующего международного порядка присоединилась и Россия, жестко действуя на Украине и в Крыму... Россия не может позволить себе вхождения в НАТО государства, с которым она имеет более 2000 км незащищенной границы” [22].

Читаешь эту “аналитику” и приходишь к заключению: все в мире течет, но в геополитическом мышлении России ничего не меняется. Чего добивается Россия – так это того, чтобы мир признал ее место в “высшей лиге” лидирующих государств мира, а также ее право на контроль над сопредельной зоной государств “ближнего зарубежья”. Наличие арсенала ядерного оружия, по мнению Караганова, уже дает ей право быть “третьим по влиянию государством”, за которым следует огромный отрыв других государств – тех, которые помельче.

Следует учитывать и то, считает Караганов, что после коллапса СССР Россия в Европе не получила того места, которое она считает выгодным и законным. Но именно это и “привело к действиям в стиле геополитического ревизионизма”. То есть, *Россию якобы втянули в ситуацию традиционной геополитики, “которая уже много раз приводила к открытым конфликтам”, и она вольно или невольно вынуждена была следовать этому курсу.* И тут уж, стало быть, ничего не поделаешь – “с волками жить, по-волчьи выть”. Хотя политика эта и рискованная: “Можем и провалиться. Особенно при отсутствии решительных экономических и правовых реформ. Последние 8 лет их не было, и мы, поворачивая, проедавая ренту, поругиваясь и побалтывая про модернизацию, уверенно катились вниз. Остается надеяться, что кризис вразумит” [23].

Можно ли Украине при подобном образе мышления надеяться на взаимное понимание со стороны России? Вряд ли. Но и назвать ситуацию, созданную агрессивной Россией, в привычном понимании новой “холодной войной” международному сообществу пока что тоже не с руки. Ведь в прошлом суть холодной войны состояла в том, что конфронтация между Москвой и Западом жидилась в первую очередь на решении идеологического вопроса: “За кем будущее?”. Речь шла в первую очередь о том, кто может предложить более эффективную модель “нового мира”. Сегодня ситуация совершенно другая: Россия даже и не ставит перед собой подобной задачи. Она не в состоянии предложить миру какую-то модель развития взамен существующей европейской модели либеральной демократии. Да и нынешний конфликт между Москвой и Евросоюзом объективно призван был разрешить вопрос вовсе не о будущем, а о том, кто “здесь и сейчас” живет в мире “реальном”, а кто – в мире иллюзорном.

Все это очень печально. А ведь было время, когда Россия, казалось бы, определилась в своей ориентации на Европу. Ту самую Европу, которая с 1989 года зафиксировала разрыв с инерцией насильственной истории. И тогда появилась надежда, что закончилась не просто Вторая мировая война, и не просто холодная война. Что принципиальным отличием новейших времен стало то, что в Европе завершили свое существование политические системы, базировавшиеся в течение трех столетий на балансе сил и имперских амбициях. Появилось ощущение того, что пережив век, в котором европейская государственная система породила войны катастрофических масштабов, европейские страны, наконец-то, стали ценить среду, в которой государства взаимодействуют в рамках права, а конфликты улаживаются мирным путем. Желание распространить такой порядок на остальной мир было естественно и похвально.

Да и жизнь показывала, что отказ от политики силы стал приносить Европе великие блага. Но, к сожалению, он же породил и многочисленные иллюзии. Ведь не секрет, что пребывая в эйфории от собственных новаций, Европа, казалось, забыла очень старую истину. А она гласит: для всякого человека,

умеющего обращаться только с молотком, любая проблема выглядит как гвоздь. Вот в 2014 году этот молоток в руках Путина и напомнил о себе.

Научно-экспертный сервизизм

Короля, как это водится, играет свита. Эта же свита в России час от часу выступает в роли того самого молотка для забивания гвоздей. Российские аналитики, уделяя определенное место выискиванию разнообразных “объективных” предпосылок аннексии Крыма и прямого участия России в террористических действиях на Донбассе, не могут обойти проблему личностного фактора Путина в контексте его окружения – делового, политического, да и научно-экспертного. И мы бы не стали предъявлять нашим коллегам слишком большие претензии в раскрытии этого феномена – война есть война, а в условиях военного времени каждому человеку присуще стремление выжить и не попасть из-за своих убеждений под карающую десницу соответствующих силовых структур. Если не каждому, то многим – это личностный выбор каждого, и никто не вправе требовать какой-то едино правильной линии поведения. Хотя, как говорится, при любых условиях желательно оставаться порядочным человеком. Но это уже вопрос философский – как понимать порядочность.

Мы даже допускаем вариант, что многие работники научных учреждений и университетская профессура России искренне разделяют те или другие политические взгляды. И это их законное право, и проблема вовсе не в том, что взгляды многих из них далеки от руслу либеральной демократии. Проблема значительно хуже – исповедуемые ими взгляды порой пребывают просто вне контекста рационального мировосприятия. И с этим тоже приходится считаться. Как поется в песне Розенбаума: “люди – разные, песни – разные”. И нет ничего удивительного в том, что если уж российскому правящему классу свойственны экспансионизм и имперские амбиции, то куда уж тут деваться всецело зависящим от государственного финансирования работникам науки и образования. Не потому ли, согласно аналитикам Высшей школы экономики (весьма авторитетного научно-образовательного заведения) Эдуарда Панарина и Бориса Соколова, по состоянию на 2012 год *наибольшей поддержкой “широкая” имперская трактовка национальных интересов России пользовалась “среди представителей законодательных органов (64%), медиаструктур (57,4%), а также деятелей науки и образования (61,3%)”*. А объяснением этого урапатриотического единения науки и власти, считают эти аналитики, “может служить тот факт, что образование и культура, медиапространство и законотворческие институты являются сегодня наиболее идеологизированными сферами общественной жизни” [24].

Конечно же, не все в политическом классе и его обслуживающем научном и медийном сообществе являются приверженцами жесткой имперской политики на международной арене. Панарин и Соколов тоже подчёркивают, что, дескать, “не все одним миром мазаны”. В России, например, “средний эшелон власти все больше представлен людьми, в глазах которых внутренняя политика и дела ближнего зарубежья имеют большее значение для российских национальных интересов, чем претензии на глобальное лидерство”. Но *то ли речь идет о глобальных амбициях России, то ли претензиях на “ближнее зарубежье”, но число уверенных в том, что именно военная сила является решающим фактором международных отношений, увеличивается*. Так, в 2012 году, когда Россия еще только “сосредотачивалась” в отношении Украины, но, тем не менее, уже тогда “большая часть опрошенных была согласна с тем, что *войска можно использовать для защиты интересов русскоязычного населения в странах бывшего СССР*. Процент рассматривающих угнетение русскоязычного

населения как повод для военной интервенции сопоставим с долей тех, кто полагает допустимым использовать силу по таким поводам, как защита экономических интересов страны или поддержка баланса сил с Западом: 68,9 % против 70,6 % и 69,9 %, соответственно – хотя и здесь не наблюдается такого единогласия, как в вопросах защиты территориальной целостности и национальных интересов (> 99 % в обоих случаях)” [25]. Другими словами, где-где, а уж в ближнем зарубежье нечего церемониться – тут можно и войска употребить.

Но это не значит, что Россия дистанцируется от глобальных устремлений. Враг №1 может официально и не называться, но подспудно обществу дают понять, что это – Соединенные Штаты Америки. Так, Панарин и Соколов, ссылаясь на данные “Левада-Центра”, утверждают, что число представителей элиты, полагающих Соединенные Штаты враждебным государством, значительно выросло, как и число “ястребов”. “Левада-Центр” сообщает, что в мае 2014 года нелюбовь россиян к американцам достигла исторического максимума: 71 % граждан России заявили, что плохо относятся к Соединенным Штатам, тогда как в начале 1990-х таких было меньше 10 процентов. Учитывая, что уровень антиамериканизма среди элит России в предшествующие два десятилетия был выше, чем в среднем по стране, “можно предположить, что людей с проамериканскими взглядами (по крайней мере, готовых заявить о своих убеждениях публично) наверху осталось немного. Наверняка увеличилось среди элиты и число сторонников экспансионистской политики, и число “ястребов”, полагающих, что основным инструментом разрешения международных споров является военная сила” [26].

И вот здесь мы подходим к точке отсчета в оценке субъективного фактора в определении внешней политики России. По логике вышеупомянутых авторов, раз уж в России сложилась такая система ценностей, да и соответствующий уровень понимания экспансионистских задач внешней политики, то, дескать, *“власть ради сохранения поддержки – как на уровне элит, так и на уровне масс – вынуждена проводить все более жесткую внешнюю политику”*. При этом авторы демонстрируют очень своеобразное понимание геополитики: решение глобальных задач, конечно, России не по плечу, но уж в регионе “ближнего зарубежья” она своего не упустит и заставит каждого считаться с российскими интересами. И в этом пункте аналитики Высшей школы экономики выразили свою полную солидарность с экспансионистской политикой властей: *“Российская элита не претендует на глобальное господство. Вместе с тем она рассматривает ближнее зарубежье как естественную сферу национальных интересов. Не вызывает сомнений, что нынешние российские лидеры готовы использовать вооруженную силу для защиты интересов страны, в том числе и на территории сопредельных государств. Является ли подобная позиция угрозой для кого бы то ни было или просто отражает естественный ход мыслей любой национальной элиты – вопрос другого рода. Однако это необходимая вводная информация, которую должен учитывать любой партнер – или оппонент – России в начале переговоров по выходу из кризиса и выстраивании конструктивной линии межгосударственных отношений”* [27].

Вот в этом навязывании как допустимого и даже неопровержимого факта – использования вооруженной силы на территории сопредельных государств во имя достижения российских национальных интересов – виден весь абсурд и самой политики России, и оправдывающих ее геополитических концепций. Видимо не зря известный российский аналитик Виктор Макаренко предложил анализировать политику как мир реализованного абсурда. Но иными словами, если рассматривать вопрос с точки зрения философской, “абсурд – это констатация смыслового, логического, бытийного и языкового бессилия

обнаружить организующее начало в окружающем мире. Тем самым абсурд как адепт конца света и вселенского хаоса вплотную связан с кризисом культуры и проблемой его интерпретации” [28].

Объяснение российскими учеными-охранителями необходимости агрессии против сопредельного государства лишь только тем аргументом, что это отвечает национальным интересам “моего” государства, является еще одним свидетельством сервиллизма значительной части российской интеллигенции. Об этом феномене сервиллизма в свое время писал российский исследователь Вячеслав Кемеров. Для категории “служилой” интеллигенции, писал он, геополитика – очередная интеллектуально-политическая мода, возникшая в условиях кризиса определенных социально-политических структур и методов социально-политического анализа. Кемеров описал специфику этой российской интеллектуальной моды таким образом: неприязнь к логике – общее свойство русской интеллигенции; равнодушие к методологии – общая характеристика обществоведов; превалирование словесного творчества – над анализом реальных проблем. Используемая ими геополитика является результирующим итогом деятельности всей пропагандистской машины: “Журналисты, политики и чиновники постоянно говорят об исправлении общества, наведения порядка, сохранения единства России. Однако порядок, единство общества, сила государства – это слоганы из предвыборного жаргона, равно используемые различными политическими движениями. Порядок, единство общества и сила государства – это проблемы, которые еще нужно поставить перед людьми. Но для этого российской философии необходимо разорвать дистанцию с обыденным жаргоном и журналистской попсой” [29].

Геополитический подход к общественным процессам был подвергнут критике в свое время и Николаем Косолаповым. По его убеждению, геополитический подход: 1) отрицает саму идею общественно-исторического развития, ведь если все определяют географические факторы, то история есть броуновское движение, непрерывная смена гегемонов, у каждой цивилизации своя дорога, и никакая магистраль развития невозможна в принципе; 2) геополитика возникла как средство объяснения движущих сил внешней политики, а не истории, она и связала внешнюю политику с рядом факторов (географическое положение, размер страны, климат, топография, природные ресурсы, демография, уровень технологического развития, военно-экономический потенциал); 3) идеи Махена и Макиндера не совпадают с ходом международных отношений в XX веке. А в целом геополитика была окончательно дискредитирована в нацистской Германии, когда она была использована как научное прикрытие нацистского режима. То есть, и как прикладная наука, и как политико-идеологическая дисциплина, откровенно направленная для обслуживания концепции “жизненного пространства”. После прихода к власти Гитлера К. Хаусхофер стал его советником по внешнеполитическим вопросам.

Обобщая выводы, Н. Косолапов допускает, что геополитика, в лучшем случае: помогает понять внешнюю политику империалистических держав; может объяснить только межимперские отношения и соперничество эпохи; а имперская политика требует соизмеримых игроков и эффективна лишь в том случае, если проводится имперскими государствами. В нынешних условиях глобализации, считает Косолапов, “мир перерос имперские формы организации физического и социального пространства, а тем самым и геополитику; геополитическая модель неприменима более к описанию и пониманию реалий сегодняшнего и завтрашнего мира. Попытки обращения к ГП означают в духовном смысле риск очутиться среди идейной реакции, а в практическом – опасность обречь внешнюю политику своей страны в лучшем случае на неэффективность, в худшем – на тяжелейшие стратегические просчеты” [30].

После публикации Косолапова прошло десять лет, но расхожие суждения о России как стране “особого пути” не утихли. Более того – они обернулись в XXI в. для россиян печальной стороной, а для Украины в последние годы, а особенно 2014-м, приобрели и угрожающий, злокачественный смысл. В то время, как ведущие государства мира пытаются согласовать свой курс с доминирующими в мире тенденциями к глобализации, считает профессор Высшей школы экономики Александр Оболонский, “мы в политике и массовом политическом сознании скатываемся назад, в изжившую себя архаику прошлых столетий. Одно из проявлений этого процесса – шумное возвращение на политическую авансцену геополитического поведения с соответствующими ему логикой и фразеологией” [31].

И все же, при всем при том, политическая распутица в России создала соответствующий общественный спрос на геополитику (сейчас ее предпочитают называть просто и скромно: “мировой политикой”). Эта квазинаука даже была поднята до уровня государственной идеологии и обслуживающей ее научной дисциплине соседнего с нами государства. В основе этой лженауки лежит социал-дарвинистский взгляд на мир исключительно как на арену “внутривидовой” борьбы государств. Оттого то и взгляд на Украину “через ружейный прицел” приобрел свой вид как законченная идеологема. И мало кому есть дело до того, что это возврат к идеологической схеме рубежа XIX–XX веков, которая уже собрала свою кровавую жатву, воплощаясь в своих предельных формах в государственную политику нацистской Германии и советскую практику Гулага и Голодомора. Да, видимо, недосуг российской интеллигенции вспомнить, что рано или поздно неизбежным спутником войны с соседом становится борьба “с внутренними врагами”. А новейшим опричником, вооруженным модерными автоматами, будет подсказано, что “внутренние враги” – это в первую очередь те, “кто в шляпе и в очках”. И, как показывает история, это будет воспринято, потому что в этом и состоит сущность насковоз пропитанного кровью вида ложного сознания.

Казалось бы, страшные уроки минувшего столетия должны были бы чему то и научить: хотя бы признать уже общепринятую в цивилизованном мире формулу, что подход к международным отношениям как к “игре с нулевой суммой”, в которой выигрыш одного равен проигрышу другого, давно уже идеологически дискредитирован. Но вся беда в том, что это не уничтожило его практическую живучесть: “мертвый хватает за ноги живого”. А воплощается эта старая истина в том, что “новые времена породили и новые квазинаучные формы и слова: геозкономику, геокультуру, информационную геополитику... Но глубинная конфронтационная суть геополитики не изменилась. В этом она недалеко ушла от нацистской идеологии, и от классического евразийства первых десятилетий XX века” [32].

Публикации Николая Косолапова и Александра Оболонского, Льва Гудкова и Виктора Макаренко (и еще немало ряда авторов – всех не перечислишь) являются примером редкой научной порядочности, которая дает право надеяться, что в дальнейшем – а в это нельзя не верить – есть перспектива нормального налаживания российско-украинских научных связей. А пока что следует признать, что доминируют в формировании общественного мнения России те представители политической алхимии, которые создают микроклимат для кучки “вершителей политических судеб мира”. Безусловно, что и в Украине не было недостатка прикормленных экспертов и подконтрольных СМИ. Люди есть люди, и ничто человеческое им не чуждо. *Но есть все-таки главное отличие тружеников науки Украины и России: в Украине нет необходимости выискивать какую-то особую “национальную идею” – с некоторых пор она обрела вполне реальные рамки и вектор жизненного напряжения – вхождение в*

объединенную Европу, которая уже обрела свои контуры и систему ценностей, воплотив их в повседневной практике.

России же в условиях агрессии против Украины, пусть пока и прикрытой камуфляжем “гибридной войны”, приходится кроить и перекраивать свои квазиидеологические одежды, чтобы, как говаривал Сидор Голохвастов – киногерой герой незабвенного Олега Борисова – “чтобы жилетка была по последней моде”. И очень отраднo увидеть в ряде российских исследователей понимание непростой ситуации вокруг украинских событий и тревогу за будущее независимой Украины: “Дипломатия и ее научная прислуга живут в “шахматной” логике времен холодной войны, мировых “горячих” войн, унесших жизни минимум шестидесяти миллионов человек и искалечивших жизни целых поколений, а, может, и времен Венского конгресса. СМИ же, в буквальном смысле слова вооружившись новейшими технологиями, используют их для дезинформирования, а то – и для манкуртизации людей. *Деятельность наших главных телеканалов по “освещению” событий в Украине – ярчайший, почти беспрецедентный образчик целенаправленного дезинформирования и оболванивания населения технологизированными приемами милитаристской пропаганды ненависти; к несчастью, довольно эффективной. Я согласен с мнением, что режиссёры и исполнители этой кампании тем самым вычеркнули себя из журналистской профессии*” [33].

Нельзя не согласиться с российским коллегой Оболонским, что политизация фактора географического расселения украинцев и русских в том или ином регионе Украины – просто абсурдна. Но кроме того мы видим на практике применения оружия массового поражения – всевозможных “Градов” и “Смерчей”, “Торнадо” и “Буратино” – что эта политизация приводит к опасным и бесчеловечным результатам. И мало дела тем политикам и прикормленной экспертной и пропагандистской челяди, что за их политические амбиции и мании обычным людям приходится расплачиваться своими жизнями и лишениями.

А тем временем приближенные к власти российские эксперты сокрушаются о том, что надо было бы как-то легализовать пребывание российских войск на восточных землях Украины, а то действительно – изолгались донельзя, стыдно и в приличной компании появиться (если пригласят). Вспоминаются давние деньки, когда между США и СССР не было разногласий на тот счет, “присутствуют ли советские танки в Афганистане”. Утешают себя, что “по этому вопросу был консенсус – да, присутствуют, хотя выводы делались диаметрально противоположные. Сегодня мы на Украине не способны согласиться и в этом. Расходятся не оценки, а картины происходящего. Общей точки отсчета нет даже для того, чтобы сконструировать конфронтацию. Это намного опаснее, чем системное противостояние второй половины XX века” [34].

Итак, появилась тоска по “системному противостоянию”. Опять геополитика не дает покоя.

Беспутье: фактор Путина

Итак, мы пришли к заключению, что феномен геополитики вместе с его псевдодоказательной базой полностью развенчаны на уровне идеологии, но *как реальный политический фактор геополитика постоянно присутствует в умах и делах реально действующего политика*. Более того, по оценке профессора Тартуского университета Вячеслава Морозова. “*в марте 2014 года Европа неожиданно для себя соскользнула в новую геополитическую реальность. Мы оказались на пороге крупномасштабного конфликта между Россией и Западом – конфликта, который ранее рассматривался лишь в качестве крайнего пессимистического сценария. Международная напряженность достигла уровня,*

когда нельзя полностью исключить никаких вариантов развития событий, вплоть до катастрофических” [35].

Нет сомнения, что в России имеется достаточное количество широко мыслящих людей, чтобы осознать всю опасность произошедшего после аннексии Крыма. Они понимают, что этот шаг России чреват целой серией международных, да и внутренних конфликтов. Ведь в становлении полицентричной системы международных отношений зачастую даже малые причины могут порождать большие последствия. А здесь речь идет о целом геополитическом разломе на постсоветском пространстве. Но, как говорится в писании, “много было званних, да мало избранных” (Матф. 22:14).

Заведующий отделом социологии и социальной психологии ИНИОН РАН Дмитрий Ефременко, еще в июле 2014 года предпринял продуктивную, как на наш взгляд, попытку рассмотреть вовлеченность России в украинский кризис. Безусловно, мы не можем укорить его в том, что он избегает понятия типа “агрессия России против Украины” – ведь мы и сами на официальном уровне вышли на эту формулировку лишь в январе 2015 года. Да и вообще, будучи гражданином России, он волен принять платформу – “это моя Родина, и она всегда права”. Это его право, но, однако, это еще и дело его научной и гражданской совести. Впрочем, по этой части мы к нему не в претензии. Нас, прежде всего, интересует логика его изложения и система аргументации в оправдании весьма неприглядного в целом агрессивного курса России. А в целом, наибольший интерес представляет собой осуществленный Ефременко анализ “фактора Путина”: почему руководитель страны пошел на пересмотр мирового порядка, выйдя тем самым “за флажки”.

Исходным пунктом анализа, предпринятого российским ученым, является тезис “общности исторической судьбы”, в котором он усматривает прямо таки предопределенность какой-то заданной модели российско-украинских связей и в прошлом, и в настоящем, и в будущем. Тезис отнюдь не нов. Вспоминается даже, как в советские времена в украинском политическом лексиконе употреблялись обязательные словосочетания: “украинцы, как и все советские люди”, или же – “Украина, как неотъемлемая часть Советского Союза” и т.д. и т.п. Так из нас воспитывали верноподданных “младших братьев”. А уж криминальное обвинение в попытке “оторвать Украину от России” тянуло на длительный лагерный срок. И в то же время вызывало недоумение среди сознательных украинцев: “разве Украина – пуговица на российском имперском вицмундире, чтобы ее отрывать или не отрывать?”. Однако, при всем при том, в советском политическом мышлении историческая роль Украины была предопределена как “неотъемлемая составная часть Советского Союза”. В этом и состояла важнейшая геополитическая позиция Кремля.

Поэтому не стоит и удивляться, что исходный пункт анализа, осуществленного профессором Ефременко, состоит именно в обосновании этого прямо таки фатального “единства исторической судьбы”: “Национал-демократическую революцию и начало вооруженного конфликта на востоке Украины трудно характеризовать иначе, как трагедию страны, независимое существование которой неразрывно связано с возникновением и распадом Советского Союза. *Общим прошлым обусловлено и активное участие России в этом кризисе. Впрочем, не только прошлым. Будущее, в котором Украина и Россия отчуждены друг от друга, участвуют в различных интеграционных проектах и военно-политических союзах, слишком многим в Москве казалось неприемлемым. Встряска подтолкнула Кремль к действиям, которые можно рассматривать и как отчаянную попытку отстоять важнейшую геополитическую позицию, и как решимость вырваться “за флажки” мирового*

порядка, где России отводится роль вечного побежденного в холодной войне” [36].

Принятие этого исходного пункта как *credo*, не вызывающего никаких сомнений, дает возможность Ефременко освещать дальнейшие политические шаги Путина как закономерные и объективно предопределенные действия. Да, утверждает ученый, следует учитывать и объективные причины – и сохраняющуюся инерцию распада СССР, и политические мины, заложенные еще в советское время, и существующие ныне реалии постбиполярного мира. Но, вне всякого сомнения, *“экстраординарное значение приобрел и личностный фактор. Роль президента России Владимира Путина в решающие моменты кризиса была ключевой”*. Тут он вспоминает, *“оранжевую революцию”* 2004 года, которая уже тогда рассматривалась российским лидером как геополитический вызов России. Да не просто вызов, а угрожающая модель дестабилизации политического режима, которая из Украины могла бы быть перенесена на российскую почву. А уже вся последующая цепочка событий – это и российско-украинские газовые войны, и раскол между лидерами первого Майдана, и их политическое фиаско, и сближение Киева с Москвой при Януковиче, и неприглядная балансировка Януковича между Москвой и Брюсселем, и второй Майдан – все это подтверждало, что *“Украина становится для Путина пространством одного из решающих в его политической судьбе противоборств”* [37].

А дальше со стороны Ефременко уже следует целая серия аргументов, призванная оправдать действия Путина как политика, который якобы ведет лишь *“контригру”*, направленную на блокирование подрывной деятельности со стороны Запада: *“Ни для кого из других внешних актеров Украина никогда подобного значения не имела. Именно поэтому мало кто ожидал от российского президента столь решительного перехода от вязкой позиционной борьбы к игре на повышение ставок. При этом, однако, путинскую политику на Украине имеет смысл рассматривать именно как активную контригру, как готовность путем концентрации имеющихся в распоряжении ресурсов и неожиданных ходов переломить неблагоприятные изменения в соотношении сил”* [38].

Ефременко представляет политику Путина как многослойную и достаточно нюансированную, которая стремилась сочетать в себе и жесткость в отстаивании геополитических интересов, и стремление создать почву для восстановления конструктивного диалога с Западом. В качестве аргументов здесь фигурирует и освобождение Ходорковского, и приглашение лидеров стран Запада на зимнюю олимпиаду в Сочи. Да вот, дескать, украинский Майдан спутал все карты: *“и смена власти в Киеве воспринималась особенно болезненно, поскольку, с одной стороны, триумф организаторов спортивного праздника оказался явно перекрыт победой Евромайдана, а с другой – именно в этот момент у российского руководства были связаны руки. После феерической церемонии закрытия игр Кремлю как будто уже ничего не оставалось кроме признания нового порядка на Украине. Насколько можно судить, именно к этому настойчиво подталкивали российское руководство лидеры Соединенных Штатов и Евросоюза”* [39].

Ну а дальше в оправдание политики Путина пошли уже напропалую искаженные и вымышленные аргументы. Мол, каково это было Путину терпеть, если новая власть в Киеве попыталась отменить языковой закон Колесниченко-Кивалова и расформировать спецназ МВД *“Беркут”*? А ведь затем, дескать, мог последовать и пересмотр внеблокового статуса Украины, да и харьковских соглашений. Как видим, российскому аналитику и в голову не может прийти, что и принятие языковых законов, и определение того или иного статуса Украины – это ее суверенное дело, к которому России нет никакого дела. И вся эта аргументация подчинена одной задаче – убедить читателя, что *“выбор Путиным курса на воссоединение Крыма и России, безусловно, спровоцирован*

переворотом в Киеве и ожиданиями его тяжелейших геополитических последствий” [40].

Да вдруг незадача! По логике изложения стало складывается впечатление весьма нелицеприятное: ведь такой образ Путина – реагирующего на текущие события – как то и вовсе не к лицу главе державы, претендующей на лидирующие позиции в мире. И тогда от лица Ефременко на свет божий всплывает признание, что решение об аннексии Крыма было далеко не спонтанное. Более того – все предыдущие годы правления Путина, а особенно между выступлением на Мюнхенской конференции по вопросам политики безопасности 10 февраля 2007 года и почти что исповедальной Крымской речью 18 марта 2014 года – это был период “окончательного разочарования в возможности достижения равноправного партнерства в отношениях с США и ЕС” [41].

То есть, дело даже вовсе и не в Украине, а в том, что США и ЕС не признали в России равного партнера. И вот по мере нарастания этого ощущения, в России крепла убежденность в неотвратимости кризиса в отношениях с Западом, а Украина в этом раскладе рассматривалась лишь наиболее вероятным ареалом обострения. Но в этой стратегической линии России имело место очень примечательное обстоятельство: “основные ожидания начала открытой конфронтации фокусировались на 2015 г., когда на Украине должны были состояться очередные президентские выборы”. Да вот совершенно неожиданно случился Майдан, и *“неконтролируемое развитие событий на Украине казалось потоком, направление которого уже никому изменить не под силу. Путин на это решился, противопоставив воле Евромайдына волю поборников русского ирредентизма. Тем самым он совершил необратимый шаг в отношениях не только с Украиной и Соединенными Штатами, но и в отношениях между властью и обществом внутри России”* [42].

Говорить о взаимоотношениях между властью и народом в России – это отдельная тема, широко освещенная и глубоко аргументированная, например, в публикациях “Левада-Центра”. Мы же ограничимся здесь констатацией того, что в преобладающем большинстве гражданское общество разделяет точку зрения, навязанную российскими СМИ. Более информирован об этом декан факультета коммуникаций, медиа и дизайна ВШЭ Андрей Быстрицкий. Он к тому же еще и председатель совета Фонда развития и поддержки клуба “Валдай”, призванного формировать общественное мнение Запада относительно политического курса России. Ссылаясь на социологическую службу “Гэллага”, Быстрицкий иронизирует по поводу того, что американцы воспринимают информацию СМИ критически, а значит “американское общество практически не доверяет своим медиа”. К примеру, 44 % американцев полагают, что их СМИ “слишком либеральны”.

А вот в России же, не без удовольствия отмечает декан, напротив, наблюдается своего рода консенсус. По данным того же “Гэллага”, *76 % российского населения считают российские медиа в освещении событий в Украине довольно надежным источником. Характерно и то, что негосударственные медиа российское население в целом не приемлет – доверяют лишь 30 %, а западным и вовсе не верят – воспринимают лишь 5 %. Но и это, оказывается, еще не предел. Андрей Быстрицкий хвастает тем, что информацию государственных СМИ чохом воспринимает и стар, и млад: “Так вот, молодежь России ничуть не лучше и не хуже тех, кому за 60. И среди тех, кому от 15 до 44, и среди тех, кому за 60, практически нет различия в степени доверия: в первом случае – 74 %, во втором – 75 %. Только лишь среди тех, кто протянул более 45 лет, но еще не дотянул до 60, поддержка доверия выше – аж 80 %. Конечно, эти показатели были получены во время и по поводу освещения событий на*

Украине. Но они никак не противоречат иным данным иных организаций... Иными словами, на внутреннем фронте никакого проигрыша нет, а есть исключительно выигрыш. И по существу, и в сравнении с иными странами” [43].

О том, откуда появилось такое единомыслие в России, объясняет Ефременко. До майдана в российском обществе циркулировали идеи о готовности к максимальному сближению России и Украины, но эта тема была явно не среди наиболее значимых. На экспертном уровне тема Украины тоже дискутировалась, но вряд ли эти дискуссии оказывали какое-то воздействие на выработку практической политики. *И вот здесь Ефременко опять все лавры победителя адресует Путину: “Централизация процесса принятия политических решений в случае Украины была доведена до предела; насколько можно судить, наиболее ответственные решения принимались единолично президентом России. Стоит отметить, что в оперативном отношении успех действий по воссоединению Крыма с Россией в немалой степени был обусловлен именно такой гиперцентрализацией и прямым контролем со стороны государства”* [44].

Невольно возникает вопрос: раз решение об аннексии Крыма готовилось с 2007 года, раз “время Ч” было назначено на президентскую кампанию 2015 года, раз окончательное решение было делом рук одного Путина, – то зачем было так раздувать дело о языковом законе Колесниченко-Кивалова и прочие надуманные проблемы, якобы раздирающие Украину на части? Ответ простой: надо было впутать в эту авантюру широкую российскую общественность и разделить ответственность за содеянное со всем российским народом.

И это удалось – операция под ярлыком “Крым наш” получила широкую общественную поддержку, подняв до небывалых высот президентский рейтинг. И Ефременко прямо таки гордится создавшейся ситуацией: “То, что до начала марта было только делом Владимира Путина, в считанные недели стало общим делом и общей ответственностью власти и общества. Подъем ирредентизма обеспечил полную перезагрузку легитимности третьего срока Путина; страница новейшей российской истории, связанная с политическими протестами на Болотной площади и проспекте Сахарова, оказалась перевернутой. Власть получила карт-бланш на переход к мобилизационной модели развития, хотя нет достаточной уверенности, что российское общество, столкнувшись с тяготами миссии “русского мира”, останется столь же сплоченным, как в момент крымской эйфории” [45].

Однако, в каждой медали есть две стороны. Раскачать маятник великодержавного шовинизма – это еще полдела. Да, в обществе удалось сформировать общественный запрос на всестороннюю поддержку русскоязычных людей за пределами российских границ. Вряд ли этот запрос так уж станет детерминировать российскую внешнюю политику. Однако он уже стал фактором, который очерчивает пределы компромиссов в отношении Украины, и уйдет еще немало времени, пока плачевное состояние экономики и все увеличивающийся поток “груза-200” не побудят россиян осознать всю беспросветность авантюры в отношении Украины. А пока что идеология “русского мира” призвала к жизни фигуры, которые вряд ли украсят политический бомонд России – Стрелкова, Бородая, Беса, Моторолы и тому подобных типов. Их присутствие в нынешней “номенклатуре” уже возымело определенное воздействие на поведение экономических и политических элит России: “Им ничего не оставалось, как присоединиться к дискурсу “Крым наш”, тщательно скрывая при этом растерянность и опасения за собственное будущее. После мартовских торжеств по случаю присоединения Крыма и Севастополя и по мере введения Западом новых санкций скрытое давление этих элит значительно возросло и, по всей видимости, повлияло на готовность Кремля оказать прямую поддержку ополченцам Донбасса” [46].

Но и это еще не все. В научно-экспертной среде России, да и Запада, все-таки начинает пробивать себе дорогу понимание, что путинская вертикаль власти, которую в последние годы российский лидер готовил преимущественно к противостоянию с Западом (осуществляя, как в случае с Ходорковским, “национализацию элит”), функционировала достаточно эффективно и на крымском этапе украинского кризиса. Однако в экспертной среде уже забили тревогу по поводу того, что российский персоналистский режим отличается структурной уязвимостью, компенсируемой лишь жестким контролем со стороны лидера. Ослабление позиций лидера создает угрозу всей системе власти в целом. Все чаще стала проявляться озабоченность, что западные санкции, направленные на ближайшее окружение Путина, могут оказаться не столь уж символическими. То есть, то самое гражданское общество в России, которое пока что плохо просматривается в общественно-политической жизни, может когда-нибудь в одночасье приобрести четкие очертания.

При таком течении событий поиск силового варианта решения украинского кризиса может неожиданно изменить весьма двусмысленные нынче правила игры. Неизвестно, как поведут себя уже привыкшие к относительному буржуазному комфорту российские граждане, если за геополитические успехи придется и дальше платить реальным падением уровня жизни, а тем более кровью. Да и европейский не только бизнесмен, но и обыватель, в конце концов, осознает всю глубину российской экспансии и потребует от своих правительств решительных действий, пусть и сопряженных с экономическими потерями. Санкции возымеют действие, и тогда России придется выбирать какую-то альтернативу общественного развития. Ведь нельзя же длительное время пребывать в ситуации беспутья.

Одни говорят о необходимости экономического прорыва по образцу многих стран Восточной и Юго-Восточной Азии. Однако это потребовало бы от России преодоления хозяйственной зависимости от капиталистического ядра, что ей вряд ли сейчас по силам. Реформировать общество по лекалам западного либерально-демократического общества, вероятно, можно, да только вряд ли кто на это пойдет. Такой сценарий потребует смены режима, а этого, судя по всему, пока не предвидится. Пока что просматривается сценарий выстраивания самодостаточной мобилизационной экономики, с опорой на собственные природные ресурсы, но это неизбежно вызовет снижение потребительских запросов и возврат к технологиям двадцати-тридцатилетней давности во всем, кроме обороны. То есть, все как бы говорит о том, что в России назревают серьезные изменения, но предсказать их временные и содержательные параметры сегодня не возьмется никто. “Зато, – отмечает Вячеслав Морозов, – в чем, пожалуй, можно быть уверенным, так это в том, что очередной крестовый поход за истинно русскими ценностями не принесет обещанного результата... Скорее всего, это означает, что по происшествии нынешнего этапа обособления Россию ждет очередной виток догоняющей модернизации, когда западный миф вновь возьмет верх над славянофильским” [47].

Но есть ли в настоящее время хотя бы предпосылки обозначенной альтернативы, связанной с либеральным будущим России? Ведь от этого во многом будет зависеть и дальнейшая судьба Украины.

Схватка за древко флага

В поисках ответов на эти вопросы есть смысл отталкиваться в анализе не от идеологических химер, а от реальных общественно-политических трендов. В частности, хотелось бы по возможности шире представить диапазон рефлексий российских авторов: ведь культура диалогична по своей сущности, а бескультурие – монологично.

Тогда следует начать с вопроса: насколько влиятельны в России исследователи, способные подняться над лжепатриотической риторикой и реально взглянуть на существующее состояние дел? Нет сомнения, что такие люди есть. И именно с ними связываются наши надежды на возрождение взаимопонимания между украинским и российским народами. Хотя, судя по всему, случится это взаимопонимание отнюдь не скоро – слишком много крови пролито на линии огня.

Кирилл Рогов – ведущий аналитик Института экономической политики им. Е. Т. Гайдара в Москве – один из желаемых собеседников. По его мнению, и в период глубокого трансформационного кризиса 1990-х годов, и в 2000-е годы относительного экономического восстановления – в жизни постсоветских стран доминировал все тот же изъян – гибридная сущность сформировавшегося на руинах СССР экономического и социального уклада. С одной стороны, вроде бы есть заметные сдвиги к лучшему – тут тебе и рынок, и цены свободные. А с другой – доступ к рынку оставался все-таки несвободным, и в итоге – несправедливым оставалось и распределение рыночных доходов. Права собственности при таком укладе не могли быть зафиксированы должным образом, а основывались на силе и принуждении.

Однако, вскоре наступило время перемен. После периода первичного накопления капитала подоспело время передачи постсоветскими нуворишами несправедливо нажитой собственности своим подросшим детям-наследникам. Вот это и предопределило во многом то, что и “московские протесты 2011–2012 годов, и второй киевский Майдан продемонстрировали политические претензии европеизированной части нового поколения, его запросы и повадки”[48].

В Киеве победа Майдана при больших рисках открыла перед Украиной существенное окно возможностей. Худо-бедно, но произошла определенная смена имиджа Украины в глазах мирового общественного мнения. Ведь раньше в бизнес-кругах не только России, но и Европы к Украине было принято относиться несколько высокомерно, эдак по-барски, как к неотесанному родственнику из деревни – с глубоким вздохом. Принято было считать, что Украина – “тяжелый пассажир”, от которого лишь вечная усталость. Имеется в виду сочетание плохих институтов, жуткой коррупции, относительно низких темпов экономического роста и недостаточной реформированности социального уклада (“совковость”) плюс низкая внутренняя управляемость. А отсюда – и ненадежность в договорных отношениях. *“Однако теперь, – пишет Рогов, – стало очевидно, что “неуправляемость”, раздражающая равно Москву, Брюссель и Вашингтон, есть одно из проявлений своеобразного гена “сложности”, который имеется у Украины и который не только способен оказывать важное стабилизирующее влияние, но и может стать очень важным преимуществом в будущем”* [49].

Как бы там ни было, но, не в последнюю очередь под влиянием киевских Майданов, молодое европеизированное поколение Москвы стало перед необходимостью решительной схватки за новую поколенческую повестку дня. Образно говоря, схватку за древко флага с главными символами эпохи. Да не случилось – российское поколение не удержало флаг перед порывом патриотической эйфории от смеси поп-патриотизма (“Крым наш!”) и нового антизападничества (“Кирдык Америке!”). Однако считает Рогов, на этом дело не закончилось: ведь “добиться консолидации и доминирования этой повестки в России удалось не только посредством мобилизации пропагандистской медиамашин, но также с помощью настоящей войны и прямого обмана – фейкового сюжета о фашистах-бандеровцах, якобы захвативших Украину. Несмотря на ошеломительный успех этой технологии, ее вряд ли можно считать

надежной и долгоиграющей. По сути, она продуцирует перманентный кризис, выпутаться из которого очень трудно” [50].

До настоящего времени России удавалось выходить из кризисной ситуации за счет резкого повышения социальных выплат. Но падение цен на нефть продемонстрировало исключительную зыбкость экономического фундамента, одержанной Путиным победы. И, в сущности, президент РФ на своей декабрьской пресс-конференции 2014 года был достаточно искренен в части своего видения перспектив выхода из экономического кризиса, когда отвечал, что максимум в течение двух последующих лет цены на нефть опять начнут расти. Видимо, другого рецепта выхода из ситуации он не видит, хотя, казалось бы, конец 2014 года нанес мощный удар по идеалам “нефтяного реваншизма”. В конечном итоге, считает Кирилл Рогов, “кризис постсоветскости, первыми знаками которого стали Болотная площадь, и аннексия Крыма, продолжается и еще, видимо, далек от разрешения. Этот кризис и есть главный сюжет нынешнего десятилетия” [51].

Кризис постсоветскости – не ограничивается сферой самого постсоветского пространства. Ввод российского контингента в Крым – это еще и очередной эпизод противостояния Владимира Путина с концертом западных держав. Это и крупнейший кризис системы европейской безопасности, подрывающий принцип признания границ, существовавших на момент распада СССР, а также поправший принципы Будапештского договора 1994 года. В этом смысле аннексия является также ударом по всему режиму нераспространения ядерного оружия. Она демонстрирует, что ядерные державы больше не могут выступать коллективным гарантом для стран, сохраняющих безъядерный статус. И нельзя не солидаризироваться с позицией Рогова, высказанной еще 4 марта 2014 года о том, что “это не изменится уже даже в случае локализации конфликта в Крыму и возвращает ситуацию к временам холодной войны, подстегивая гонку вооружений во всем мире. Путин не мог не сознавать этого. Поэтому главный выбор, сделанный им, – это выбор в пользу эскалации конфликта с Западом, вывод этого конфликта на принципиально новый уровень” [52].

И в этом, с точки зрения Кремля, есть немалый резон. Во-первых, аннексия Крыма и ширококомасштабный конфликт с Западом – это важный ресурс внутривнутриполитической консолидации российского общества на фоне все углубляющегося ухудшения экономической ситуации, галолирующей коррупции, политической разбалансированности и брожения в элитах. Во-вторых, вызов Западу был призван решить стратегическую задачу укрепления политического режима внутри страны, позволить добиться консолидации антизападного, “патриотического”, консервативного большинства. Наконец, оправдать в глазах общества переход к полицейским и неототалитарным практикам контроля политической и общественной жизни, резко усилить контроль над элитами.

Именно на этот путь подталкивал Путина, судя по всему, опыт войны с Грузией 2008 года. Тогда эта война в значительной мере помогла в острой фазе финансово-экономического кризиса 2008–2009 годов сфокусировать общественное недовольство в России на внешних причинах, сохранив доверие населения к Путину и его политической системе. Но здесь следует учитывать принципиальный момент: любая война как политический проект в принципе не должна быть излишне накладной в цене. В случае с Грузией обошлось для Кремля как нельзя успешно – война для России стала апофеозом череды лет, характеризовавшихся резким скачком экономического благополучия. Однако в случае развязывания “гибридной войны” против Украины ситуация сложилась принципиально иная. Экономические успехи остались в прошлом, инвестиции бегут из России, а резкое снижение цен на нефть ведет к обвалу устоявшегося

уровня жизни. Все это ускоряет не только кристаллизацию недовольства элит, против которых объявлены санкции, но и протестных настроений всего населения страны.

Все это говорит о том, что нельзя исключить возможность и новой очередной вспышки агрессии России против Украины. Однако, нельзя в то же время не видеть и попыток Путина приоткрыть шире дверь для переговоров с Западом. Здесь опять, судя по всему, Путин идет по испытанному “грузинскому сценарию”. Стоит вспомнить, как российские войска в 2008 году, заняв территорию Южной Осетии и Абхазии, предприняли стремительный марш-бросок на Тбилиси. Совершенно не готовый к такому развитию событий Запад вынужден был срочно вступить в торг с Кремлем, чтобы предотвратить полномасштабную оккупацию. В качестве платы за отвод войск Запад только де-факто признал российский протекторат над Южной Осетией и Абхазией, но и снял, какие бы то ни было, политические претензии к Путину по поводу вторжения. Что и было подтверждено предложенной вскоре Кремлю политикой “перезагрузки”.

С Украиной вроде бы тоже все начало складываться по отработанной схеме. Сначала шок Запада от аннексии Крыма, а потом, после вторжения в Донбасс, – Женевский формат переговоров о прекращении огня, где о статусе Крыма вообще не было упомянуто. Да тут случился террористический акт против “Боинга”, когда Западу стало ясно, что дальнейшая политика “умиротворения” Путина ни к чему доброму не приведет. В силу вступил курс на ужесточение санкций против России.

Но каналы взаимоотношений с Россией Запад не разрывает, а Кремль не прочь бы использовать их для дискредитации Украины, внесения раскола в ряды ее руководства. Идеологическим прикрытием торга России с Западом, как это видно из интервью главы МИД РФ Сергея Лаврова, служат, с одной стороны, постоянные обвинения в адрес руководства Украины. Дескать, оно, “начиная с государственного переворота и продолжая последующими событиями, нагнетало русофобские настроения, по сути, объявило войну всему русскому – культуре, языку, традициям, истории, в том числе русской истории на территории Украины, истории Второй мировой войны”. Однако, с другой стороны, от обозначенной “риторики”, Сергей Лавров отделяет Президента Украины: “мы чувствуем приверженность президента Украины Петра Порошенко минским договоренностям, его желания добиться их выполнения, что было подтверждено 22 декабря во время телефонной конференции с участием президентов России, Украины, Франции и канцлера Германии” [53]. То есть, налицо желание вычленив в среде руководства Украины какую-то “партию войны” и некую “партию мира”.

Все это сопровождается непрекращающимся троллингом со стороны “ближнего круга” Путина, в частности, в виде безответственных заявлений Жириновского. Показателен в этом отношении телеэфир программы “Вечер с Владимиром Соловьевым”, озвученный 25 декабря 2014 года, где Владимир Жириновский в традиционной для него манере выкрикивал: “Не братский вы народ. Вы – враги сегодня, враги номер один!”. Или же: “Проблема одна: верните русские земли, и мы о вас забудем навсегда. Пропадите вы пропадом!”. Однако одновременно с этими призывами, на этой же передаче было озвучено и слова Сергея Лаврова: “Украине и России невозможно развестись. Мы связаны столетиями, историей, экономикой, географией, культурой, цивилизационными ценностями. Мы связаны семейными и родственными узами” [54]. Все как в заурядном детективе – “плохой полицейский” и “хороший полицейский”.

Вместе с тем, за этими словами проглядывается и ностальгия за тем самым “союзом нерушимым”, который, дескать, и “сплотила великая Русь”. Выход за

развешанные флажки этого союза – шаг влево, шаг вправо – рассматривается как попытка бегства во вражеский лагерь. Так, недобрым словом отозвался об Украине глава российского правительства Дмитрий Медведев, заявив со своей стороны: отказ Украины от внеблокового статуса будет означать, что “она станет потенциальным военным противником Российской Федерации” [55].

На фоне вот этого, порой истеричного, “информационного шума” совсем по-другому, даже с претензией на импозантность, представлена в российских СМИ позиция Владимира Путина. Так, например, в конце 2014 года было оглашено, что Президент РФ подписал указ, который вводит в действие новую военную доктрину, утвержденную на заседании Совета безопасности РФ 19 декабря. Показательно то, что в доктрине Украина не упоминается. Однако среди угроз Российской Федерации называется установление в сопредельных государствах недружественных режимов, в том числе “в результате свержения легитимных органов государственной власти”. По отношению к таким угрозам доктрина предусматривает “комплексное применение военной силы, политических, экономических, информационных и иных мер невоенного характера, реализуемых с широким использованием протестного потенциала населения и сил специальных операций”. Здесь, как говорится, двух трактовок быть не может: действия в Украине описаны в традиционном для России толковании, а реализуемые на практике неприглядные военные меры таким образом были узаконены в доктрине [56].

Все эти заявления и действия правящих кругов России преследуют далеко идущие цели. Упомянутый выше Кирилл Рогов, например, считает, что Путин обычно играет на повышении ставок в расчёте на то, что на Западе возникнет паническое ощущение, будто он готов сбросить фигуры с доски. На самом деле, с точки зрения Путина, это управляемый конфликт: “И когда он выражает вдруг готовность вернуться за стол переговоров, у противной стороны возникает ощущение, что ей удалось кое-чего добиться. В то время как Путину это позволяет продемонстрировать собственному населению и элитам, что игра на рисках – эффективная и выигрышная стратегия. Что “мы” можем показать “им” кузькину мать” [57].

Вследствие такой авантюрной политики и завязался достаточно тугой узел проблем. С одной стороны, украинский кризис (в его широком международном понимании) обострил ситуацию и обнажил агрессивную экспансионистскую сущность идеи “русского мира”. С другой стороны, в оправдание своего курса Россия стала трактовать объективный процесс формирования глобальной экономики и тотальной коммуникационной среды как целенаправленный антироссийский вызов со стороны окружающего мира. Не исключено, что эта неадекватность восприятия ситуации стала застилать понимание самой сущности проблемы: “После почти четверти века перемен Россия зависла между двумя состояниями. Она так и не стала равноправной частью мировой экономики, которая извлекала бы полноценные дивиденды из глобализации, как, например, Китай. Но и интегрировалась в нее в недостаточной степени, чтобы испытывать на себе все потрясения на мировых рынках и внешние воздействия. Промежуточная ситуация в итоге стала тяготить всех – и сторонников более глубокой интеграции, и приверженцев более изолированного развития. Рост политических рисков, связанный с объективным ухудшением международной обстановки во втором десятилетии XXI века, заставил сделать выбор в пользу второго варианта – “отсоединения” (насколько возможно) от глобальных процессов” [58].

К концу 2014 года Россия отгородилась от Запада забором из политической неприязни, военной боеготовности и троллинга идеологического отторжения. Более того, активизировалась дипломатия и внешнеэкономическая деятельность

на восточном направлении. После откровенного бойкотирования Путина как лидера России на саммите “Большой двадцатки” в Австралии, стало ясно, что прежняя модель стратегического партнерства России и Запада вряд ли будет восстановима, как бы ни развивались события в Украине.

Что ж, по крайней мере, в этом вопросе как будто бы возобладали ясность. *Но вот на сакраментальный вопрос – какую модель социально-экономического развития выбрала себе Россия – ответа пока нет. И надо будет внимательно отслеживать ситуацию на предмет того, как бы это промежуточное состояние распутицы не дало толчок каким-то межсумочным выводам. Пока что вызывает настороженность попытка обелить российскую интервенцию в Украину и представить ее как судьбоносную неизбежность. Более того – даже как своего рода фатальность именно силового разрешения отношений между Россией и Украиной. Тот же Лукьянов, например, пытается доказать, что все, происходившее с весны 2014 года судьбоносно “диктовалось логикой, которую задали предшествующие события и выбор, сделанный на каждом из предыдущих перекрестков”.*

А сама эта логика его рассуждений такова: “Во-первых, российско-украинские отношения с начала XXI века в нарастающей степени отмечены антагонизмом, нежеланием достигать приемлемых компромиссов. Это усугублялось, и даже период Януковича породил скорее иллюзию сближения, чем реальное согласие. Во-вторых, российско-украинский конфликт – сердцевина большого геополитического противостояния (Россия – Запад). В-третьих, и это главное, он основан на острой конфронтации самоопределений. Украина пытается идентифицировать себя через разрыв с Россией – реальной и вымышленной, символической. Россия же очерчивает ареал “своего” мира, который простирается шире границ 1991 года, и Украина – наиболее яркий пример чего-то несправедливо утраченного. И здесь невозможно примирение, пока естественным путем не установится какой-то новый баланс. Поэтому все пути ведут в одном направлении, создавая ощущение необратимости” [59].

Одним словом – грязь, гнилоземье и беспутье, да и вообще – назад дороги нет. Кто удержит древко флага с подобными лозунгами? К тому же, на какой такой “новый баланс” рассчитывает Москва, и каким таким “естественным путем” он должен быть установлен – все это пока остается открытым.

“Битва за Европу”: реинкарнация геополитики?

При таком положении вещей нет необходимости удивляться тому, что при президенте Владимире Путине Россия демонстративно отказалась от предложенной интеграции в нынешний европейский и мировой порядок, предпочитая строить альтернативное будущее, опираясь на особые связи с ближайшими соседями (Казахстан, Беларусь). Обострившийся кризис вокруг Украины – пока что наиболее яркое, но не последнее проявление того, во что могут вылиться проекты российского, или точнее, советского возрождения. Небезынтересно и то, что *некоторые западные аналитики тешат себя иллюзиями, что эти действия России захватывают пока что регион “периферии Европы”, а потому могут быть не на первом месте повестки дня.* Кое-кто все еще надеется, что взаимозависимость глобализованного мира сдержит Россию от дальнейших авантур. Хотя, с учетом ее самодостаточности в области энергетики и более скромного участия в сфере внешней торговли, объявленные санкции смогут повлиять на ее поведение разве что со временем. Вот это и дает возможность Путину пока что проводить реваншистский курс, хотя ресурсы России ограничены и в “жесткой”, и в “мягкой” силе.

В итоге, Путин сам стал на путь наращивания не так своего экономического, как политического могущества, проведения такого курса, который все больше

характеризует Россию как противника международного порядка, сложившегося после распада коммунистической системы и окончания холодной войны. Если в ближайшее время ничего не изменится и всю эту распутицу не удастся преодолеть, то рано или поздно мы придем к пониманию того, что вопрос заключается уже не в том, продолжится ли развал существующего миропорядка, а в том, как быстро он пойдет и как далеко зайдет.

Начнем наш анализ с того факта, что в 2014 году Россия вступила в фазу крупнейшей с 1998 года девальвации рубля, – с начала года российская валюта вдвое потеряла в цене по отношению к евро. Однако эта новость далеко не всегда однозначно оценивается как хорошая для Запада, а тем более для Украины. Суть дела в том, что с ослаблением экономики Владимира Путин будет, судя по всему, лишь ужесточать государственную пропаганду, направленную на разжигание национализма и конфронтацию с Западом, и пытаться убедить россиян в необходимости сплотиться вокруг президента и правительства. Но, в конце концов, это внутреннее дело самой России.

Нас в Украине больше занимают предположения некоторых западных СМИ, например журнала *Vox*, о том, что “Путин беспокоится по поводу Украины куда больше, чем западные страны – это действительно так, – и в определенный момент слабое украинское правительство может признать поражение и предложить Путину выгодные условия перемирия. Чем хуже ситуация в российской экономике, тем больше вероятность, что Путин пойдет на какой-нибудь рискованный гамбит, чтобы ослабить эффект от санкций” [60]. Таковой выглядит угроза для Украины, а потому наша задача и состоит в том, чтобы рассмотреть вероятность и реальность такой угрозы.

Начнем с того, что даже такое уважаемое издание как журнал *Vox* не может претендовать на истину в последней инстанции. Не менее авторитетные издания видят обозначенные проблемы с несколько другой перспективы. Так, например, британская газета *The Guardian* считает ушедший 2014 год “Битвой за Европу”, которая разворачивается между двумя принципиально отличными друг от друга лидерами. И расклад таковой. С одной стороны – Владимир Путин, “мачо, милитарист, использующий советские приемы большой лжи... который на недавней пресс-конференции сравнил Россию с медведем, готовым себя защитить”. С другой – Ангела Меркель, “сторонница реформизма”, которая “терпеливо управляет медленной... многонациональной европейской черепахой” [61].

Что важно для Украины, газета считает, что канцлера Германии можно смело назвать “государственным деятелем года” за ее подход к решению украинского вопроса. Ангела Меркель не устает повторять, что три основных пункта ее стратегии – 1) поддержка Украины; 2) дипломатия с Россией и, наконец, 3) экономические санкции – преследуют цель заставить Путина сесть за стол переговоров. Как быстро и насколько эта стратегия принесет удачу – никто не берется прогнозировать. Битва за Европу далека от своего завершения. Да и экономический кризис может не привести к смене политического курса России, а “загнанный в угол медведь все еще может наброситься”. К тому же и ситуация на востоке Украины может измениться, если Запад совершит ряд просчетов. Однако, как бы там ни было, в существующем европейском (не только – украинском!) кризисе на первый план вышла приверженность миру и свободе, исповедованная как канцлером Германии Ангелой Меркель, так и президентом Украины Петром Порошенко.

Немецкое издание *Die Welt* рассматривает ситуацию еще более однозначно – считая, что западные санкции уложили “русского медведя” на землю. Но не одни только санкции – экономика России уже давно находится в упадке. Причиной тому являются структурные дефекты: отсутствие диверсификации, недостаток

конкурентоспособных товаров, низкая производительность труда, а также падение цены на нефть. Однако, отмечает издание, “без кризиса в Украине и связанных с ним западных санкций Россия никогда бы не оказалась в столь критической ситуации. Безусловно, отмечается в издании, никто не заинтересован в ослаблении России: *“миру нужна сильная, уверенная в себе и стабильная Россия, которая, однако, должна признать основополагающие принципы международного права и демократии”*. И именно поэтому санкции по отношению к России должны быть сохранены, поскольку они являются правильным ответом на политику Путина в Украине. Запад должен дать Путину шанс выйти из позиции слабости, в которую он сам себя загнал, с сохранением собственного достоинства. При этом главной целью должна быть “независимая Украина” и “прекращение российской политики агрессии” [62].

Но и это еще не все. Запад все-таки должен продолжать поиск новейшей модели общественного развития современного мира и стать в авангарде установления нового мирового порядка. Ведь не секрет, что в последние годы мы все чаще стали сталкиваться с проблемой нарушения норм и базовых принципов международных отношений. Речь идет отнюдь не только о захвате Крыма “зелеными человечками” Владимира Путина и скрытое вторжение в Украину российских военных – “отпускников” на танках. Наряду с этими событиями дает о себе знать и феномен “Исламского Государства Ирака и Леванта”, сочетающий приверженность обычаям Средневековья с современными навыками ведения войны. В этом же ряду стоят периодические вспышки напряженности в Восточно-Китайском и Южно-Китайском морях. Что уж говорить о развале еще недавно дееспособного государства Сирии и неспособности всего мира остановить смерть и разрушение в этой стране? Вполне естественно, что перед лицом такого бурлящего котла проблем каждая страна неизбежно становится перед проблемой нового осмысления и определения своей идентичности в условиях глобализирующегося мира.

Начнем с очевидного – того, что провоцирует активизацию ревизионистских настроений по отношению к устоявшимся международным нормам. Так случилось, что почти все семь миллиардов обитателей современного мира оказались в рамках единого рынка, единой системы капиталистической мир-экономики с ее принципом “зависимого развития” трех структурных элементов: **ядра** капиталистической мир-системы, *полупериферии* и *периферии* (И. Валлерстайн). Никто нынче не станет идеализировать состояние дел в этой системе. Все имели возможность убедиться, что вследствие неэквивалентного обмена практически всегда выигрывает ядро (развитые капиталистические страны), периферия проигрывает (“третий мир”), а полупериферия (прежде всего страны БРИК – Бразилия, Россия, Индия и Китай) занимают промежуточное положение. Вследствие вот этой системы взаимозависимости и взаимопроникновения пришел конец и той былой Вестфальской системе (1648 г.) с ее идеалом абсолютного суверенитета. Границы сегодня стали проницаемы не только для перемещения товаров, финансов и людей, но и для информации, оружия, преступности, экологического загрязнения и эпидемий. Количество проблем накапливается, а пути и механизмы их разрешения все еще не определены.

В этом клочковатом мире Россия, чем дальше, тем больше позиционирует себя по отношению к Соединенным Штатам, возлагая на эту страну вину за все происходящее в мире. В то же время складывается впечатление, что мир терпит лишения вовсе не так от активности американцев на международной арене, как от откровенного нежелания США активно вмешиваться в конфликтные зоны для наведения порядка. В прошлом, в годы холодной войны американцы, худо-бедно, но несли свой груз ответственности в борьбе против СССР и мирового коммунизма, поддерживая при этом международный порядок, как они его

понимали. Однако после распада СССР этот имидж Америки потускнел, а его правящие круги пребывают сейчас в некоторой растерянности. Как отмечает президент Фонда Карнеги за международный мир Джессика Мэтьюз, *проблемой проблем остается определение того, что составляет ныне американскую цель: “максимально наращивать мощь США или распространять нашу демократическую культуру? Должны ли Соединенные Штаты выполнять функции “мирового полицейского” – даже если нам самим ничто не угрожает? Следует ли нам заниматься собой и наводить порядок в собственном доме или мы обязаны нести всему миру блага рыночного капитализма?”* [63].

На практике это выливается в дискуссии: о целесообразности радикальной смены недемократических режимов или тщательного государственного строительства; соблюдения международного права или американской исключительности; односторонних либо коллективных действий; о приоритетности интересов или же ценностей. Но за всем этим многообразием терминологии, акцентирует внимание Джессика Мэтьюз, “кроется одно и то же – поиск ориентиров или критериев для принятия решений, когда и где нам следует бросать на чашу весов наши деньги, жизни наших солдат, наш политический капитал. Без этого, как показывают социологические опросы, американский народ не лучше, чем его лидеры, понимает, когда нам надо действовать, а когда нет, и столь же склонен к радикальному изменению позиции по мере развития событий” [64].

Впрочем, отмечают аналитики, Соединенные Штаты в этом не одиноки. Фактором неопределенности может служить Китай, который не только продолжает наращивать свою экономическую мощь, но и демонстрирует далеко простирающиеся намерения, усиливает военный потенциал, а его действия в Восточно-Китайском и Южно-Китайском морях начинают вызывать беспокойство во всем регионе. Тем временем Япония своим отказом извиниться за ужасные зверства во время Второй мировой войны провоцирует нагнетания националистических страстей в Китае. Индии приходится иметь дело с угрозой со стороны Пакистана и Китая. На Ближнем Востоке Израиль, похоже, отказался от процесса мирного урегулирования и перешел к тупиковому конфронтационному курсу. Иран хотя и близок к историческому соглашению по ядерной программе, но еще может счесть интересы исламской революции выше интересов иранской нации. Арабский мир раздирают острые межконфессиональные распри.

Обнадеживает разве то, что у объединенной Европы, судя по всему, нет путаницы относительно ее роли на международной арене. Привлекает внимание и то, что Европейский Союз на удивление четко осознает свои ценности и потенциальный ресурс в глобализованном мире. Разве что Европа в целом все еще не признала, что рано или поздно ей придется играть все значительную стратегическую роль в обеспечении собственной безопасности, безопасности всего региона, да и стран, находящихся за его пределами. Пока что, видимо, Европа настолько погружена в свой гигантский объединительный проект, что на остальной мир у нее пока не остается особого времени и сил.

Этим часто пытается воспользоваться Россия, вбивая клин между США и Европой. Однако принципиальным камнем преткновения для российской ментальности является представление о том, что санкции со стороны ЕС рассматриваются в Кремле как исключительно результат украинского конфликта и нажима со стороны Вашингтона. А между тем, все намного серьезнее: отношения между Россией и ЕС уже сейчас остаются замороженными, а перспективы их улучшения в обозримой перспективе вообще слабо просматриваются. Санкции, введенные весной 2014 года, скорее будут продлены, а то и, не исключено, еще и ужесточены. При всех перипетиях,

Евросоюз демонстрирует поразительное единство в вопросах, связанных с Россией. Но, самое главное, считает директор Московского центра Карнеги Дмитрий Тренин, *“Германия, ныне единственный лидер Евросоюза, принимает на себя ответственность за все европейское пространство и возрождает давно забытую геополитику даже несмотря на потери для экономики”* [65].

Безусловно, США заинтересованы в поддержке союзников по НАТО и предпринимают все необходимые для этого шаги. Но дают о себе знать и собственно европейские факторы, а среди них и позиция Германии в отношении России. На ее эволюцию, считает Тренин, повлиял ряд факторов. Так, в течение последних трех лет в Германии произошло глубокое разочарование в перспективах развития отношений с Россией. Надежды, которые Ангела Меркель связывала с Дмитрием Медведевым, оказались разрушенными. Линия на постепенную европеизацию России зашла в тупик. А возвращение Владимира Путина в Кремль и вообще потребовало иного подхода.

И он был выработан. Прежде всего, после 2012 года в Германии произошла жесткая дискредитация “апологетов” Путина в германском политическом классе и экспертном сообществе. Особенно активно она была проведена в германских СМИ в течение последних двух лет, что и создало новую идеологическую основу политического курса по отношению к России. В итоге, из адвоката Москвы и ее проводника в западные институты, как это было во времена Герхарда Шредера и Гельмута Коля, Берлин превратился во все более открытого и принципиального критика российской внутренней и внешней политики. Что и говорить – германский бизнес, связанный с российским рынком, вначале воспротивился этому курсу, но был не в силах противостоять новому тренду Ангелы Меркель. Прагматическая “восточная политика” сближения и вовлечения, сформулированная социал-демократами еще полвека назад, сменилась политикой моральных принципов и геополитических интересов: “Действия России в Крыму и в отношении Донбасса, с точки зрения германского правительства, нарушили “европейский мирный порядок”, который Берлин стремится поддерживать на континенте. Ссылки Кремля на народное волеизъявление в Крыму и воссоединение нации отвергаются как неосновательные, как и любые параллели с воссоединением Германии. Здесь также имеет значение, что Ангела Меркель и президент Германии Йоахим Гаук – выходцы из протестантской среды бывшей ГДР, где морализм традиционно занимал важное место” [66].

Лидерство в Европе ко многому обязывает. Прежде всего – к учету и представительству интересов всех младших союзников. В российском контексте речь идет, прежде всего, о неременном учете подходов Польши, балтийских стран, ряда других государств, настороженно относящихся к недружественным шагам России. При этом, отмечает Тренин, сама Германия находится под пристальным наблюдением, как этих стран, так и их друзей в США, чтобы исключить любой рецидив “синдрома Риббентропа-Молотова”. И это особенно важно для Украины, поскольку Вашингтон, передав в руки ЕС и Германии ответственность за практическую реализацию коллективной политики Запада, ожидает, что Берлин оправдает такое доверие. Еще для нас важен тот факт, что лидерство от имени Европы предполагает также конкурентную борьбу с российским влиянием в зоне пересекающихся интересов: “Эта зона включает не только Украину, но и Молдавию, Грузию, другие страны Закавказья и Средней Азии. Недавнее предложение Меркель о начале диалога между ЕС и Евразийским экономическим союзом – не столько создание еще одного канала для диалога с Москвой, сколько попытка повлиять на развитие евразийского проекта через диалог с Минском и Астаной, чьи интересы и подходы не всегда совпадают с московскими” [67].

Важно держать в поле зрения и тот факт, что Берлин не оставляет без внимания и кандидатов на членство в Евразийском союзе – Армению, Киргизию и Таджикистан. На эти страны, как считают в Евросоюзе, Москва оказывает недопустимое давление. Следует учитывать и то, что Германия стремится ограничить российское влияние в сфере непосредственных интересов Европейского союза на Балканах – прежде всего в Сербии, а также в Боснии и Герцеговине. Противостоит политика Берлина влиянию Москвы и непосредственно в рядах самого Евросоюза – в Венгрии, Болгарии, Чехии.

Важным успехом в поддержке демократии в нашей стране явилось совместное заседание президентов “Вышеградской четверки” и Украины 16 декабря 2014 года. В частности, страны “четверки” подтвердили непризнание аннексии Крыма Россией, подтвердили готовность помочь Украине в реализации пакета реформ, обеспечения энергетической безопасности и организации реверсных поставок газа в зимний период, а также способствовать внедрению безвизового режима Украины с ЕС. Эти же страны распределили обязательства по реализации различных секторов реформ в Украине: Словакия поможет Украине реформировать энергетику; Венгрия – экономику; Польша будет отвечать за внедрение децентрализации, а Чехия – образования и защиты общества [68].

То есть, вопреки всем заявлениям об “изгнании” геополитики из области международных отношений, объединенная Европа под руководством Берлина и сохраняющимся военно-политическим патронатом Вашингтона наглядно свидетельствует о том, что она уже не только экономический партнер России, но и ее идеологический оппонент, и геополитический соперник. По оценке Дмитрия Тренина, принятие экономических санкций в отношении РФ не было продиктовано случаем с малазийским “Боингом” или результатом нажима Вашингтона: “Речь идет о сочетании сотрудничества и соперничества с важной геополитической составляющей. Берлин – самостоятельно и через Брюссель – будет давить на Москву экономически в целях возвращения ее политики в международно-правовое русло и одновременно поддерживать трудный диалог с Кремлем... Ясно, что нынешняя конфронтация России и США несводима к Украине и не прекратится, даже если украинский конфликт удастся урегулировать. В отношениях с Европой, однако, даже частичная стабилизация положения на Украине может сыграть положительную роль” [69].

Одним словом, прошло то время, когда после падения Берлинской стены Европа для многих в России стала рынком сбыта энергоносителей, сейфом для хранения капиталов и всероссийской зоной шопинга и отдыха. Пришло время, когда Европа вправе в полный голос поставить вопрос о принципах, нормах и основах европейской безопасности в новых условиях, о мерах взаимного доверия и контроля.

Пока что на сегодня трудно определить варианты возможных фундаментальных основ нового общеевропейского урегулирования. Все детали и нюансы предопределить сегодня просто невозможно. Трудно даже предусмотреть каким будет геополитический пейзаж Европы. Но то, что он будет приобретать свою архитектуру – сомневаться не приходится. Приходится учитывать народную мудрость, которая говорит: “против лома нет приема”. Против российского геополитического лома Европе ничего не остается, как противопоставить свой геополитический лом. В этом и состоит контрприем.

Принципиальное различие состоит в том, какие ценности будут положены в основу по обе стороны баррикад этого геополитического расклада. А это предопределяет и границы государств, и их союзов, и соотношение сил внутри блоков и между ними. То есть, нет сомнения, что геополитическая система будет медленно трансформироваться и приобретать основные параметры, связанные,

прежде всего, с идентичностью каждого из игроков, их весом, ролью и местом в капиталистической мир-системе. Но вряд ли кто-нибудь взялся бы сегодня предсказать все последствия этой системной трансформации.

Россия в этом многотрудном процессе все еще никак не может выйти из сезона распутицы. Весь ее нынешний курс свидетельствует об отсутствии продуктивной системы ценностей в ее нынешнем противостоянии с Западом, неспособность сформулировать набор “подлинно русских ценностей”, которые бы определяли образ новой российской идентичности, приемлемый для современного глобализованного мира. И, видимо, стоит признать продуктивным следующей прогноз профессора Тартуского университета Вячеслава Морозова: “отсутствие независимой точки опоры для отстаивания политической независимости уводит Россию в дурную бесконечность антизападной риторики и политики. В ситуации, когда национальная идентичность целиком определяется через противопоставление значимому Другому, никакой прочный компромисс с этим Другим невозможен в принципе. Единственно предсказуемой моделью будущего европейского урегулирования в таком случае остается равновесие сил”. Дополнительным аргументом для иллюстрации безысходности всей этой длящейся годами в России беспутницы может послужить и тот факт, что до последнего времени в этой стране “недопущение расширения сферы западного влияния на Украину и в конечном итоге саму Россию явилось ключевым приоритетом, которому подчинены любые экономические соображения или ценностные установки” [70].

Каким образом это “равновесие сил” будет достигаться – покажет время и исход “битвы за Европу”, с учетом того, что “битва за Украину – передовой фронт борьбы за Европу”. Что касается России, то ее способ самоопределяться через противопоставление себя Западу в ближайшей перспективе будет неизбежно перетекать из сферы политики идентичности в геополитическую. Тем самым ситуация будет переводиться к все более опасным столкновениям, которые уже сегодня имеют отчетливо выраженное силовое измерение. Как это ни печально, но, видимо, так будет продолжаться до тех пор, пока не обнаружится новое равновесие сил между “вставшей с колен” Россией и “обуржуазившейся” Евро-Атлантикой.

Список использованных источников

1. *Крастев И., Леонард М.* Новый европейский беспорядок / И. Крастев, М. Леонард. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.globalaffairs.ru/print/number/Novyi-evropeiskii-besporjadok-17196>
2. *Оболонский А.* Геополитика: реинкарнация или агония? / А. Оболонский // Политическая концептология. – 2014. – № 4. – С. 40.
3. *Роберт Купер.* Раздор между народами. Порядок и хаос в XXI веке. Пер. с англ. яз. – М.: Московская школа политических исследований, 2010. – С. 11.
4. *echo.msk.ru/news/1440770-rcho.html*
5. *См. Семигин Ю.Г.* Антология мировой экономической мысли. Булл Хэдли [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Polit/Sem/49.php
6. *Ефременко Д. В.* За флажки [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.globalaffairs.ru/print/number/Za-flazhki-16764>
7. *Хаас Ричард.* Разваливающийся миропорядок [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.globalaffairs.ru/print/number/Razvalivayschijsya-miroporyadok-17194>
8. *Збигнев Бжезинский.* Характер игры меняется. Запад принимает твердую позицию по России [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://obozrevatel.com/politics/31597-bzhezinskij-harakter-igryi-menaetsya-zapad-sejchas-prinimaet-tverduyu-pozitsiju-po-rf.htm>
9. *Обама* обещает властям Украины помощь в возвращении Крыма [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://conflict.rbc.ua/rus/obama-obeshchaet-vlastyam-ukrainu-pomoshch-v-vozvraschenii-kryma-27102014182100>
10. *Резолюция* Европарламента по Украине: Комментированный перевод [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.eurointegration.com.ua/rus/articles/2015/01/15/7029681/view_print/
11. *Полный текст* постановления Верховной Рады о признании России государством-агрессором [Электронный ресурс]. – Режим доступа:

Василь Ткаченко, Микола Дорошенко

РОЗПУТТЯ: ПОВЕРНЕННЯ ГЕОПОЛІТИКИ

Росія дестабілізує ситуацію на сході України, вдаючись до логіки й фразеології геополітики; Європа стає не лише ідеологічним опонентом, але й геополітичним суперником Росії.

Ключові слова: геополітика, російська агресія, українська криза, сепаратисти, “гібридна війна”, анексія Криму, ЛНР і ДНР.

Vasyl Tkachenko, Mykola Doroshenko

IMPASSABILITY OF ROADS: THE RETURN OF GEOPOLITICS

Russia has been destabilizing situation in Eastern Ukraine using logic and phraseology of geopolitics; Europe not only becomes Russia’s ideological opponent, but also its geopolitical rival.

Key words: geopolitics, Russian aggression, Ukrainian crisis, separatists, “hybrid war”, annexation of Crimea, Donbass, the LNR and DNR.